В Коктебеле никто не торопится

Автор:
Людмила Мартова

В Коктебеле никто не торопится

Людмила Мартова

Желание женщины

Полина впервые за много лет приехала на море. В ее планы не входили курортные романы, однако в первый же день стало понятно, что она не останется без внимания сразу двоих молодых людей. Костик водил Полину по местным барам, а Никита ездил с ней на экскурсии и захватывающе рассказывал местные легенды. Однако вскоре отдых был омрачен – на пляже прямо на глазах у отдыхающих умер незнакомец, и Полина невольно стала участницей расследования. Тем более что Никита – автор детективов, ему сам бог велел не остаться в стороне, а вдвоем они и горы свернут! Интерес Полины не остановило даже нападение неизвестного. А вскоре пропала ее сестренка Оля! Пришлось погрузиться в это дело с головой и сделать весьма неприятное открытие относительно одного из новых знакомых…

Людмила Мартова

В Коктебеле никто не торопится

Преградой волнам и ветрам

Стена размытого вулкана,

Как воздымающийся храм,

Встает из сизого тумана.

М. Волошин

© Мартова Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Глава?1

Первое впечатление

Одиночество как состояние не поддается лечению.

Фаина Раневская

Сидеть на парапете дальше уже становилось неприличным. Впрочем, на Полину никто не обращал ни малейшего внимания. Людская толпа неспешно, как и положено отдыхающим, текла по набережной, неяркая, раздетая, щеголяющая обнаженными плечами, коленками, загорелыми животами.

Мимо Полины шли ноги в шлепках, сабо, сандалиях, босоножках и снова шлепках. Как правило, недорогих, с вещевого рынка. Толпа на набережной Коктебеля вообще не выглядела вызывающе дорого, как в Каннах, Ницце или итальянской Католике. Правда, нигде из вышеуказанных мест Полина никогда не бывала, так что сравнивать ей было особо не с чем. Она и не сравнивала. Она вообще не смотрела на идущих мимо нее людей.

Вот уже битых полтора часа она смотрела на море. Оно билось внизу, дышало, как живое, играло в салочки с прибрежной галькой, ласково обнимало припозднившихся купающихся и хитро подмигивало Полине, сидящей на

парапете, отделяющем набережную от пляжа.

Несмотря на то что их первая после девятилетнего перерыва встреча состоялась еще вчера, Полина не могла насмотреться на море, такое прекрасное это было зрелище. Да, собираясь в Крым, она подсчитала, что не была в отпуске девять лет, и сейчас, щурясь от режущих глаза солнечных бликов, от которых вода казалась не синей, а кипенно белой, Полина была абсолютно уверена в том, что провела эти девять лет впустую. Бездарно. Разве же это жизнь, когда не видишь море?!

Вчера, сразу после приезда, только-только расположившись в отведенном им номере гостевого отеля «Троянда», она поспешила на пляж, благо и надо-то было всего лишь перебежать набережную. Вода оказалась немного прохладной, сентябрь все-таки, но это не имело никакого значения, и Полина с разбега, не обращая внимания на острую гальку, добежала до глубины и поплыла, как полетела, вновь обретая свободу.

Сегодня с утра они уже пришли на пляж все вместе, загорали и купались. Бдительно следя за тем, чтобы Оля не сгорела, и после каждого купания намазывая ее кремом от загара, Полина немного досадовала на то, что не может остаться с морем наедине. Поэтому в пять часов, отведя маму и Олю обратно в номер, она наскоро приняла душ, натянула шорты с любимой майкой и заняла наблюдательный пост на балюстраде набережной, ведя свой неслышный никому диалог с морем.

Хотелось сидеть так весь вечер, просто смотреть на море и ничего не делать. Однако Полина понимала, что со стороны выглядит странно, поэтому нехотя слезла с балюстрады и побрела по набережной, вертя головой по сторонам.

На ужин она не пошла. Мама с Олей вполне могли справиться сами, а ей есть совершенно не хотелось. В течение дня она три раза покупала на пляже вареную кукурузу. Дорвалась до детских воспоминаний, где сладкая горячая кукуруза, которую нужно было натирать солью и кусать от початка, жмурясь от того, что так вкусно, неразрывно связывалась с поездкой на море.

Правда, в детстве ее начинали покупать еще на полустанках, по перрону которых сновали бабульки, торгующие нехитрой снедью – рассыпчатой картошкой с укропом, малосольными огурцами и обязательной молочной

кукурузой. Сейчас они приехали в Крым на машине, поэтому кукурузу Полина увидела лишь на пляже. В течение дня вдоль него ходили как минимум шесть продавцов, предлагающих домашнюю снедь, но Полине почему-то приглянулась одна женщина средних лет в шортах по колено, пропотевшей майке, косынке с козырьком, закрывающим уставшее лицо от солнца, и с дочерна загоревшими за лето руками и ногами.

– Горячая кукуруза. Креветки вареные. Мидии, рапан. Ежевика, малина, клубника. Трубочки с орехами, сладкая пахлава, – скороговоркой сообщала женщина. Смотрела выжидающе, окидывая взором устроившихся на пластмассовых лежаках и прямо на горячей гальке отдыхающих, и шла дальше, снова заводя свое: – Горячая кукуруза…

Почему-то при первой же встрече Полине ее стало нестерпимо жалко. И она тут же купила кукурузу, заслужив благодарный взгляд, и съела ее, обжигая пальцы. И когда женщина пошла мимо снова, купила второй початок, а затем и третий.

– Транжира, – ворчала мама. – Надо у тебя было деньги отобрать. Ты их так за один присест потратишь. Далась тебе эта кукуруза. – И Полина не могла объяснить ей, что и кукуруза ей действительно «далась», да так, что прямо слюна выделялась при виде солнечных початков, и помочь несчастной торговке ужасно хотелось. В том, что торговка обязательно несчастна, она даже не сомневалась.

По набережной Полина шла не спеша. Торопиться ей было совершенно некуда. Справа открылся вид на памятник Максимилиану Волошину, смотрящему на вход в кассу своего дома-музея, как будто пересчитывая купивших билеты. Полине стало смешно. У стен дома расположились уличные торговцы, вернее, художники, фотографы и народные умельцы, продающие результаты своего творчества. Полина подошла, посмотрела и тихонько отошла. Работы были скучные, ничем не выдающиеся. Папа такие называл емким словом «мазня».

На секунду, не более, глазам стало щекотно и горячо от подступивших слез, но Полина тут же справилась с собой, загнав слезы обратно, туда, где им положено находиться. Думать про папу было нельзя категорически.

С момента его смерти прошел год, но Полине по-прежнему казалось, что он вот-вот вывернет откуда-нибудь из-за угла, прямо ей навстречу. Даже в

коктебельской толпе она неосознанно искала его глазами, отчетливо понимая умом, что его не может здесь быть.

Толпа вокруг менялась. В ней встречалось все больше странно одетых и причесанных молодых людей с горящими глазами, в которых метался огонь творческого поиска. Полина вспомнила, что сегодня заключительный день джазового фестиваля, поежилась внутренне, потому что не любила ни джаз, ни творческих личностей, и не стала сворачивать в аллею к пансионату «Голубой залив», на поле возле которого и должно было развернуться основное действо концерта.

В толпе было слишком много наркоманов. Их она всегда узнавала по лихорадочному блеску глаз и не хотела иметь с ними ничего общего. Брезговала, поэтому поспешила пройти мимо, к детским аттракционам, возле которых толпились родители с малышами. На площадке висел густой детский смех, радостный и заразительный, и глаза Полины вновь защипало. О ребенке, которого она могла бы катать на каруселях и покупать которому воздушные шарики и липкое, тающее на вечерней жаре мороженое, думать было тоже нельзя, так же, как и о папе.

Она так мечтала о мальчике, которого собиралась назвать папиным именем, Георгий, Егор, и которого потеряла еще не рожденным… Горечь утрат, на которые был так богат минувший коварный год, еще не осела, не приелась. В глубине души Полина надеялась, что ее смоет соленая, тоже чуть горьковатая морская вода и можно будет начать жить заново, не ощущая постоянной, разъедающей душу боли.

Люди вокруг снова стали немножко другими. В этой части набережной прогуливались нарядно одетые семейные пары, молодые и не очень, рядом с которыми Полина вновь остро почувствовала свое одиночество. Оглядевшись по сторонам, она обнаружила, что стоит у симпатичного кафе под названием «Бочка». Деревянный настил и деревянный навес сопровождались деревянными же столиками, а в углу в полном соответствии с названием стояла большая бочка, выполняющая, по всей видимости, роль импровизированной сцены.

Полина нырнула внутрь и заняла дальний столик под деревом, откуда можно было наблюдать за окружающими, самой оставаясь практически невидимой. Есть по-прежнему не хотелось, тем более что, заглянув в меню, Полина негромко присвистнула. Цены здесь были просто атомные.

Собираясь в отпуск и разрабатывая маршрут, она особое внимание уделила вопросам питания. В Коктебеле было полно кафешек, ресторанчиков, столовых и вареничных на любой вкус и кошелек, и основная задача сводилась к тому, чтобы выбрать максимально недорогой, но при этом качественный вариант.

Судя по отзывам в интернете, излюбленным местом для большинства отдыхающих стали столовая при пансионате «Творческая волна» и бистро «Ложка». Еще вчера Полина удостоверилась в том, что отзывы не врут. Об этом можно было судить по толпам людей, которые осаждали обе вышеназванные точки. Остальные столовые были пусты и невинны, а в этих постоянно стояли очереди. По слухам, здесь никто никогда не травился, а это было основное Полинино требование к общепиту.

До «Ложки» им было идти далековато, особенно с учетом плохо ходящей на большие расстояния Оли, а вот столовая при «Творческой волне» оказалась в самый раз. Ложки-вилки и прочая посуда были чистыми, еда достаточно вкусной, а меню разнообразным. В первый вечер, заплатив за ужин на троих пятьсот рублей, Полина решила, что больше и искать ничего не будет. Лучшее, как известно, враг хорошего.

В «Бочке» шестьсот рублей стоило одно горячее. Даже если бы Полина была голодна, то есть бы ей сразу расхотелось. За такие-то деньги… Но к ее столику уже направлялась официантка, спасаться бегством было поздно, отказываться от заказа неудобно, и, кляня себя на все лады, Полина заказала чайничек имбирного чаю за двести рублей.

Раскусив ее хитрость, официантка бросила на нее презрительный взгляд, но Полина выдержала его с ответной холодностью во взоре. Уж чего-чего, а твердости характера ей было не занимать, и такие мелочи, как презрение официантки, вообще не стоило принимать в расчет.

В кафе она находилась одна. Осознав этот факт, Полина снова выругала себя за неосмотрительность. Понятно же, что вечером пустыми стоят только те кафе, в которых слишком дорого. Впрочем, что сделано, то сделано, поэтому, дождавшись своего чая, Полина устроилась поудобнее.

Сидеть вот так, в кафе, пусть даже всего лишь с чаем, ей удавалось нечасто. Работая на двух работах, она редко освобождалась раньше девяти вечера, и

хотя подруги частенько звали ее скоротать вечер в ресторане, она всегда отказывалась. После работы ныли не только руки, но и все тело, и, как правило, Полина мечтала лишь об одном – добраться до дома, принять горячий душ, съесть заботливо приготовленный мамой ужин и забраться в постель с книжкой или пультом от телевизора.

Днем она убирала квартиры, успевая на два, а то и на три адреса. В рюкзаке Полина всегда носила десять связок чужих ключей, потому что в качестве домработницы была нарасхват и имела ровно десять постоянных клиентов, не гнушаясь и разовых заказов. По вечерам, когда уборки заканчивались, а довольные хозяева возвращались с работы в свои чистые, прибранные ее руками квартиры, она еще подрабатывала вечерней няней. Забирала своих подопечных постарше из кружков и секций, укладывала спать малышню, родители которой решили сходить в театр или гости, помогала делать уроки, читала перед сном. Иногда, в случае необходимости, даже оставалась ночевать.

Она понимала, что ее работа совершенно непрестижна, тем более для такой умницы и красавицы, которой она с детства привыкла себя считать. Но так уж сложилась жизнь. Закончив унылый филфак, Полина ни минуты не собиралась работать в школе. Рассказывать современным деткам про Сонечку Мармеладову и искать тихую прелесть в «Медном всаднике»? Нет уж, увольте. Работа в пыльных офисах от звонка до звонка ее тоже не прельщала, а получить финансовую самостоятельность и слезть с папиной шеи, на которой и без нее умещалось слишком много народу, хотелось.

Полина была уверена, что зарабатывать деньги не стыдно любым способом, за исключением криминального. Сначала она устроилась няней к младшему брату своей подруги. Затем ее «передали по наследству» дальше. Потом Полина увидела объявление в газете о том, что требуется домоправительница в загородный особняк, и так пошло-поехало. Не всем же полком командовать!

Ее жизнь ей самой напоминала бег по кругу, в котором не осталось ничего, кроме работы, чужих квартир и чужих детей. Вначале ей нравилось, что она такая востребованная, такая самостоятельная и финансово независимая. Она помнила, с какой гордостью покупала себе машину – не самую дорогую, но все-таки новую иномарку. Потом стало надоедать, потом стало невмоготу, а потом умер папа, и о том, чтобы бросить одну из работ, отказаться хотя бы от одной квартиры или хотя бы от одного, самого капризного ребенка, уже не могло быть и речи.

Она и малыша своего потеряла только потому, что надорвалась. И знала, что никто не виноват в ее беде больше, чем она сама. И понимала, что, повторись подобная ситуация, она снова поступила бы так же. Не на маму же было вешать задачу прокормить семью!

После смерти отца мама вообще напоминала ей маленького, потерявшегося ребенка, который бредет, не разбирая дороги, неведомо куда, смотрит затравленным взглядом, размазывая слезы по щекам, но не останавливается. В их семье все и всегда решал папа, а когда его внезапно не стало, как-то незаметно старшей в семье стала Полина. Она не сразу осознала, что вдруг превратилась из балованного, пусть и тридцатилетнего, но ребенка во взрослую, умудренную жизненным опытом женщину. А когда осознала, менять что-либо было уже поздно. Да и не хотела она ничего менять.

На деревянный помост кафе вступила незнакомка. Была она, как и Полина, совсем одна. Прошла за столик, расположенный тоже в уголке, но ближе к улице, уселась, аккуратно разместив на соседнем стуле большую сумку, представляющую собой обычный холщовый мешок на веревке. Женщина и одета была очень просто – в длинный, бесформенный льняной сарафан. Ее единственным украшением оказались распущенные волосы – длинные, густые, блестящие, закрывающие плечи и спину почти до поясницы.

Наблюдательная Полина успела обратить внимание на ее руки – тонкие, изящные с длинными нервными пальцами и тщательно наманикюренными блестящими ноготками. Каким-то особым, элегантным и в то же время хищным движением женщина запустила пальцы в свою гриву, повела сверху вниз, как расческой, откинула волосы назад, запрокинув гибкую белую шею.

Непонятно отчего, Полина решила, что она художница. Было в кошачьих движениях женщины что-то, наводящее на такую мысль. Никакого альбома или папки с рисунками при женщине не было, но Полина прямо видела, как она устраивается на набережной, у Волошинского дома, ставит переносной мольберт и начинает быстро набрасывать морской пейзаж, причем обязательно сангиной.

«Ей не по карману есть в таком кафе, – запоздало подумала вдруг Полина. – Надо бы ее предупредить, а то постесняется уйти, как я».

Однако бежать к столику незнакомки, к которому уже подошла официантка, было поздно. Женщина с ленивой грацией пантеры открыла принесенные ей большие листы меню, быстро пробежала его глазами и сделала заказ: греческий салат, двести граммов жареной барабульки, белую фасоль, тушенную с баклажанами и помидорами, и бокал красного вина. Ужин тянул больше чем на тысячу, но, судя по всему, художницу это нисколько не смущало. Полине стало смешно от своих мыслей.

Пялиться на незнакомку дальше уже граничило с неприличием. Залпом допив свой, уже изрядно остывший чай, Полина рукой сделала знак официантке принести счет. Его подали в маленьком деревянном бочонке. Это было стильно и довольно необычно, так что Полина поняла, отчего здесь такие цены – за выпендреж нужно платить.

Выйдя из кафе и мельком заметив, что художнице уже принесли салат, который она с аппетитом и ленивой грацией принялась есть, Полина повернула обратно. Летние вечерние сумерки уже спускались на набережную. Вдоль балюстрады зажгли желтые фонари, отбрасывающие на брусчатку причудливые тени, толпа на площадке джазового фестиваля становилась все плотнее, это Полина видела сквозь сетку забора, поэтому она ускорила шаг, прижимая к боку маленькую сумочку с телефоном и кошельком.

– Привет, ты на концерт или с концерта? – На остановившего ее долговязого, крепкого, довольно симпатичного молодого мужчину Полина уставилась с легким недоумением. – Да не смотри ты на меня так, – засмеялся он. – Мы сегодня на пляже вместе были. Я на соседнем с тобой лежаке расположился. Не помнишь, что ли?

Полина не помнила. Мало ли кто лежит на соседних лежаках! Как правило, до посторонних людей ей не было никакого дела, и, обладая природной наблюдательностью, она обращала внимание на то, что по какой-то причине вызывало ее интерес, выбиваясь из общего серого ряда. Художница в кафе выбивалась, а держащий ее за руку повыше локтя парень – нет. Руку она аккуратно высвободила.

– Да не пугайся ты так, я ж тебя не съем. – Парень снова засмеялся, обнажив великолепные белые зубы, такие ровные, что Полина невольно подумала, что искусственные. – Ты что дикая какая?

– И вовсе я не дикая. – Она независимо пожала плечами. – Я тебя на пляже не заметила даже. – Пренебрегая правилами приличия, она тоже обратилась к парню на «ты». По виду он был если и старше ее, то точно ненамного.

– Меня Константин зовут. Костик, – представился он. – Я тут уже целую неделю. Так что я так уже точно дикий. На пляже все сплошь бабки и дедки, не с кем словом перекинуться. А тут смотрю, ты появилась, молодая, симпатичная. Есть с кем скоротать вечерок в приятной компании.

– Ну, для этого я тоже должна убедиться, что компания приятная, – отрезала Полина. Язычок у нее был острый, и за словом в карман она никогда не лезла, так что Костик даже слегка оторопел от ее прямоты. – Но, в общем, против пляжных знакомств, – она сделала упор на слове «пляжных», – я ничего не имею. Но ты сразу имей в виду, что курортные романы в мои планы не входят. Я отдыхать приехала, а не приключения искать себе на пятую точку.

– Да ладно, я тоже не Дон Жуан, – рассмеялся ее новый знакомый. – Мне просто бы с кем-нибудь на концерт сходить, по набережной погулять. Ничего такого, что грозит приключениями.

– Вот это хорошо. Тогда сговоримся. Меня, кстати, Полина зовут, – представляясь, она чинно сложила правую руку лодочкой.

– Красивое имя, – кивнул Костик. – Ну что, по пиву?

Еще три минуты назад никакое пиво в ее планы не входило, но сейчас Полина представила запотевшую кружку с белой шапкой пены и судорожно сглотнула.

– С рыбкой? – уточнила она.

– А как же. – Он засмеялся, снова блеснув своими шикарными зубами. – Не бойся, я угощаю. За знакомство.

– Ладно. – Полина хотела было заявить о своем попранном равноправии, но вспомнила, как мама называла ее транжирой, и решила смолчать. – Куда пойдем?

– А в «Зодиак». Была там?

– Нет, мы ведь только вчера приехали, – ответила Полина, тактично умалчивая, что в ее планы по питанию входят исключительно столовые.

– Ну вот, заодно и посмотришь. Есть будешь?

– Не буду. – Полина благоразумно решила не объедать своего нового знакомого в первый же вечер. Выглядел он открытым и располагающим к себе, но его истинные намерения в отношении ее еще следовало прояснить. Недотрогой она не была и постоять за себя умела, вот только тратить ценное отпускное время на ненужное и тягостное выяснение отношений и постылое ухаживание ей было жалко.

Кроме того, дома оставался ее верный рыцарь Серега, в гражданском браке с которым Полина прожила два последних года. Серегу она не любила ни капельки, то прогоняла его прочь, то снова подпускала к себе, потому что других вариантов не было, а быть совсем одной, когда тебе за тридцать, вроде как и неудобно. Серега очень ей помог, когда не стало папы, поэтому последний год она терпела его присутствие рядом просто из благодарности.

В какой-то момент, когда Полина узнала, что беременна, она вдруг понадеялась, что все у них еще, может, и наладится, живут ведь люди без любви. Кроме того, Серега-то ее как раз любил, в этом она даже не сомневалась, а что ответное чувство никак не вспыхивало, так и бог с ним. Надежный, непьющий, любящий. Пусть целует, а она будет подставлять щеку.

Однако ребенок не родился, а Серега, когда она выписалась из больницы, не проявил должной печали по данному поводу. Ему нужна была Полина, а с детьми или без, не имело значения. Это равнодушие наполнило Полину отвращением, и она велела Сереге убираться из ее квартиры. Он съехал к своей маме, но продолжал с упорством идиота таскаться к ней вечерами. Выгнать его совсем у нее так и не хватило духу.

Иногда он даже оставался ночевать, но в такие дни Полина ныряла под одеяло и тут же делала вид, что крепко заснула. Спать с Серегой она не могла. Физически не могла. И понимала, что против этого уже не попрешь. Нельзя жить с человеком, к которому испытываешь телесное отвращение.

Перед отпуском она так и не собралась с духом, чтобы расстаться с ним навсегда, малодушно отложив выяснение отношений до своего возвращения. Но и свободной себя от всех обязательств пока не считала, так что новый роман, даже скоротечный, как все курортные знакомства, ей был сейчас ни к чему.

Впрочем, Константин в кафе вел себя прилично, руки не тянул, сальные взгляды не бросал, двусмысленностей или пошлостей не говорил. Рассказывал о своей работе, да так интересно, что у Полины просто рот открывался от восторга. Работал он рекламщиком на радио и телевидении, был коренным москвичом, так что запросто кидался такими именами и фамилиями, которые Полина только в глянцевых журналах встречала, беря их в минуты короткой передышки у своих хозяев, в квартирах которых прибиралась.

Два часа пролетели незаметно, и, спохватившись, Полина виновато сообщила, что ей нужно домой. Часы показывали уже начало одиннадцатого, и она понимала, что мама уже уложила Олю, но сама не ляжет в постель до тех пор, пока старшая дочь не вернется домой.

В последнее время у мамы часто скакало давление, перед самой поездкой ее выписали из больницы после серьезного гипертонического криза, так что расстраивать ее долгим отсутствием совсем не стоило.

– Ну ладно, надо, так надо, – покладисто согласился Костик. – Тогда давай, до завтра. На пляже увидимся. А я тогда пройдусь до «Голубого залива», джаз послушаю.

Он не предложил ее проводить, и Полине это очень понравилось, поскольку полностью исключало возможный интим. Он действительно ничуть за ней не ухаживал, а просто проводил время, и такая форма общения ее более чем устраивала.

Мама не спала, но и не волновалась. Читала на террасе при свете настольного торшера, вокруг которого вились мотыльки.

– Погуляла? – спросила она, ласково глядя на дочь.

– Ага, прошлась по набережной, в кафе посидела, пива попила. Оля спит?

– Да, умаялась за день. Столько впечатлений, море, плавание, люди вокруг незнакомые. Ты спать пойдешь или со мной посидишь?

Полина хотела ответить, что с удовольствием посидит, но вдруг почувствовала, как на нее стремительно наваливается сон. Глаза вдруг наотрез отказались открываться, ноги и руки налились свинцовой тяжестью, в голове зашумело.

– Спать, – вяло пробормотала она, махнув рукой и отчаянно зевая. Добрела до комнаты, кое-как стащила шорты и майку и, как была в нижнем белье, упала на свою кровать, успев лишь перед тем, как провалиться в забытье, отметить, что Оля ровно и спокойно дышит во сне.

Глава 2

В эпицентре скандала

«Ты молод всегда или никогда.

Настоящая молодость – состояние

непреходящее. Поэтому

молодость – это судьба».

Татьяна Друбич

Утром на пляже Полина поймала себя на мысли, что с раннего утра вертит головой, пытаясь высмотреть Константина. Однако его все не было.

Попутно она невольно обращала внимание на других обитателей пляжа, расположившихся поблизости от нее. Три лежака их семьи располагались у самой стены, отделяющей пляж от набережной, в тени под тентом. Ни маме, ни Оле находиться под палящим солнцем было совсем необязательно, сама Полина тоже опасалась сгореть, в этом году у нее не было возможности позагорать

даже на даче, поэтому кожа ее была не просто белой, а даже с синеватым отливом, встречающимся у людей, особенно замученных работой.

Следующая линия лежаков тоже располагалась в тени. Перед Полининым носом то и дело мелькала аккуратно подстриженная голова весьма интеллигентного мужчины в очках с тонкой оправой. Пробираясь мимо него к воде и обратно, Полина все силилась понять, кого он ей напоминает, а потом вспомнила – писателя Чехова! Мужчина был очень похож на знакомый каждому со школьных лет портрет Антона Павловича. Правда, бородки у него не было.

«Чехов» спокойно лежал, читая какую-то книжку, периодически ходил купаться, смешно балансируя на острой гальке и, как цапля, вскидывая ноги при ходьбе. Никакого интереса к окружающим, включая Полину, он не проявлял. Лишь несколько раз бросил задумчивый взгляд на неуклюже пробирающуюся мимо него Олю, но тут же отворачивался, не выказывая ни любопытства, ни столь привычной для их семьи брезгливости, в отличие от шумной компании, состоящей из двух подруг с маленькими детьми, расположившихся слева от него.

Подруги – одна фигуристая, с зазывной татуировкой вдоль выступающего позвоночника, а другая, несмотря на совсем молодой возраст, расплывшаяся бесформенной тушей, – демонстративно шикали на своих малышей, не позволяя им приближаться к Оле. Всем своим видом они давали понять, что их коробит такое соседство.

Любящая детей Оля тихо и светло улыбалась детишкам – мальчику и девочке лет трех, но в разговор не вступала и на молодых мамаш смотрела с легким испугом. Этот постоянный испуг, не исчезающий из Олиных глаз никогда, если она бывала на публике, наполнял душу Полины бессильным и холодным бешенством. Но изжить его было трудно, практически невозможно, живя в стране, в которой так называемая «доступная среда» существовала лишь на бумаге.

Неподалеку расположилась еще одна семейная пара – муж и жена лет под пятьдесят. Интеллигентного и, как отметила Полина, довольно обеспеченного вида. Худощавый мужчина в таких же стильных и тонких, как у «Чехова», очках читал какую-то книжку на английском языке, его жена – статная, светловолосая дама с короткой стрижкой и в смешной, практически детской панамке, лежала на гамаке, прикрыв глаза и не обращая на окружающих никакого внимания.

Новый появившийся на пляже персонаж привлек внимание Полины. Накачанный парень лет тридцати в темных офисных брюках и яркой «гавайской» рубахе, пошатываясь, брел по гальке, не очень уверенно лавируя среди лежаков, но все-таки целенаправленно пробираясь к кромке моря.

Дойдя до цели, он неловко опустился прямо на камни. В какой-то момент Полина вдруг испугалась, что он сейчас завалится лицом в воду и захлебнется. Но парень удержал равновесие, сел, согнув ноги в коленях, позволив морской воде лизать его лакированные черные ботинки, уронил голову на сложенные на коленях руки и застыл неподвижно, как заснул.

С парнем что-то было явно не так. Полина вспомнила, как после смерти отца плакала мама, рассказывая, что, когда отцу, находящемуся на берегу озера Селигер, стало плохо, ни один человек не поспешил к нему на помощь. Решительно встав с лежака, она подошла к парню и положила руку ему на плечо:

– Вам плохо?

Парень поднял голову и устремил на Полину мутный, ничего не выражающий взгляд.

– Лариса? – спросил он, и надежда, промелькнувшая в его голосе, тут же угасла. – Нет, не Лариса. Ты… То есть вы кто?

– Я никто, – терпеливо ответила Полина, – точнее, я кто, но это не имеет значения. Вам плохо? Помощь нужна?

– Нет. – Лицо парня вдруг приобрело осмысленное выражение, но тут же снова стало сонным. – Мне не плохо. То есть мне плохо. Но в другом смысле. Не надо помогать.

До Полины донесся крепкий запах алкоголя. Водочный дух она не любила с детства, поэтому с отвращением отвернулась и даже головой потрясла, чтобы отогнать противный аромат.

– Так вы пьяны просто, – резко сказала она, отпустив его плечо. – То есть вам плохо, и вы напились, чтобы вам стало хорошо? Вынуждена вас разочаровать: не станет.

– Не станет, – покладисто согласился парень, бросил полный тоски взгляд на море и снова уронил голову на сложенные руки.

– Ну что ты лезешь, что тебе до всего дело есть? – спросила вернувшуюся на место Полину мама.

– Помочь хотела, – ответила та. Мама лишь досадливо махнула рукой.

Пьяный парень еще примерно с час просидел на самом солнцепеке. Полина вольно или невольно поглядывала в его сторону, опасаясь, что он получит солнечный удар, упадет в обморок и все-таки захлебнется. Наконец парень кое-как встал, пошатнулся, ступил в воду, которая тут же залила его щегольские ботинки и намочила край тяжелых, не по-летнему плотных брюк, чертыхнулся, снова накренился, уперся руками в берег, принял вертикальное положение, с легким недоумением посмотрел на свои мокрые, грязные ладони, вытер их о рубашку и, качаясь, побрел к лестнице, ведущей с пляжа на набережную.

Вахту сдала! Полина даже облегчение испытала от того, что ей больше не надо присматривать за бедолагой. Убедившись, что мама увлеченно отгадывает кроссворды, а Оля уткнулась в свою любимую, зачитанную уже до дыр книжку, она побежала купаться.

Заплыв довольно далеко от берега, гораздо дальше того расстояния, на котором заканчивались буйки, она перевернулась на спину и блаженно зажмурилась от солнца. Сколько себя помнила, она все время мерзла. Даже летом в их средней полосе ей регулярно бывало холодно, а уж каждая зима и просто воспринималась как вызов ее теплолюбивому организму. Зиму нужно было пережить, переболеть, перетерпеть, в качестве средства утешения думая о теплом, ласковом южном море. Мыслями и мечтами о нем она согревалась долгие девять лет, точнее, зим и сейчас, внутренне улыбаясь, думала о том, как предстоящей зимой будет перебирать не затертые до дыр старые воспоминания, а свежие, еще сохранившие запах соленой воды и крымских кипарисов, образы.

Лениво бултыхая ногами и руками, она как будто впитывала в себя всю мощь согревающего ее сейчас солнца, всю лечебную силу поддерживающей ее, как пушинку, морской воды и то невероятное ощущение пьянящей свободы, которое дарует только удачно проводимый отпуск.

Возвращаться к берегу не хотелось. Более того, с берегом, точнее, с пляжем было связано тонкое, едва ощутимое, взявшееся ниоткуда чувство тревоги. Полина пыталась проанализировать (она все и всегда подвергала самому строгому анализу, чтобы докопаться до первопричины), чем оно вызвано, но так и не смогла.

Солнце светило все так же безмятежно, морские глубины совсем не выглядели опасными, ей было хорошо видно и Олю, аккуратно заходящую в воду в надетом на талию большом ярко-зеленом надувном круге, и маму, которая неотрывно шла следом. Все было совершенно обычно, как всегда, но тем не менее от предчувствия какой-то неведомой опасности у Полины даже ноги и руки покрылись мурашками.

Перевернувшись на живот, она поплыла к берегу, пытаясь заставить замолчать звучащий в мозгу сигнал тревоги. Из космоса он, что ли, шел, в самом-то деле…

Выйдя на берег, она яростно растерлась большим махровым полотенцем, чтобы унять неведомо откуда взявшуюся дрожь.

– Я просто в воде замерзла, – твердо сказала она сама себе. – Вода все-таки уже не то чтобы летняя, если по полчаса в ней находиться, то, естественно, замерзнешь.

Третий ряд лежаков находился не в тени, а на солнце. Бросив полотенце, Полина прошла к ним, чтобы хоть немного согреться. Впрочем, лежаки все были заняты, поэтому она просто встала спиной к солнцу, невольно вновь разглядывая «соседей», только теперь уже спереди, а не сзади. Перед «Чеховым» расположилась семья – мужчина и женщина средних лет с девочкой лет пятнадцати. Мама и дочка изредка ходили купаться, а вот усатый отец семейства с маской и ластами, как уже успела заметить Полина, исчезал в море минимум на сорок минут, каждый раз принося небольшой «улов» – ракушки и блестящие камушки, которые азартно показывал окружающим.

Наплескавшаяся в воде Оля, которой надоело плавать вдоль берега туда-сюда, вышла на сушу и, как и была, в своем ядовито-зеленом надувном круге, таком ярком, что от него рябило в глазах, теперь пробиралась к лежаку и вдруг увидела кучку раковин, тут же забыв, куда шла, и застыв в восторге.

– А-ку-и, – громко закричала она и приложила ручки к своим круглым красным щечкам. – По-я, иди у-да, тут а-ку-и. Хо-у пас-ма-еть.

«Ракушки, Поля, иди сюда, тут ракушки, хочу посмотреть», – автоматически перевела Полина и подошла поближе.

– Оля, не приставай к людям, – укоризненно сказала она, беря сестру за руку и пытаясь сдвинуть ее в сторону их лежаков. Но Олю было трудно сбить с панталыку, если она что-то вбила себе в голову.

– А-ку-и, – отчаянно заголосила она.

– Да пусть посмотрит, – благодушно сказал усатый мужчина и улыбнулся, блеснув золотыми зубами. – Мне же не жалко.

Он поднял самую крупную раковину и на ладони протянул ее Оле, которая даже взвизгнула от радости. Молодые мамаши – фигуристая и толстая – раздраженно засопели.

– Я тоже хочу акушку, – заявил сын одной из них. – Мама, можно я тоже схожу к дяде посмотреть?

– Нельзя, – безапелляционно ответила толстая.

– Почему-у-у? – заныл мальчишка. Полина уже успела заметить, что он избалован и капризен сверх всякой меры.

– Потому что ты – не идиот, как некоторые, – отрезала мамаша и победно посмотрела в сторону Оли и стоящей рядом Полины.

– Он – не идиот, – согласно кивнула головой последняя. – Идиот тут вы, точнее, идиотка. – Полина никогда-никогда не позволяла никому обижать Олю, глаза

которой уже налились слезами. – И ваш возраст уже не оставляет даже призрачной надежды, что вы когда-нибудь поумнеете. – Она критическим взором окинула бесформенную тушу и безжалостно добавила: – Впрочем, как и похудеете. Так и останетесь глупой, никому не нужной матерью-одиночкой.

Мамаша захватала ртом воздух, отчаянно пытаясь найти какой-нибудь срочный, не менее оскорбительный аргумент, но удар, нанесенный в больное место, уже достиг цели, отбивая способность думать, поэтому она лишь опустилась на свой лежак и залилась слезами под любопытными взглядами окружающих. В глазах ее стройной подруги Полина увидела отблеск плохо скрытого торжества. Видимо, отношения между двумя дамами описывались словосочетанием «заклятые друзья».

– Возьми себе ракушку, – негромко сказал усатый дядька, обращаясь к Оле. – Я тебе ее дарю.

– Па-и-ба. – Сестренка улыбнулась так счастливо и лучезарно, тут же забыв недавние слезы, что Полина тоже благодарно улыбнулась усатому. По всему было видно, что человек он хороший.

– Иди в тенек. – Она подтолкнула Олю, и та аккуратно пошла к последнему ряду лежаков, по дуге обходя мамаш с детьми и испуганно косясь в их сторону. В кулачке она сжимала драгоценную раковину.

– Спасибо вам, – сказала Полина, проводив сестру глазами и убедившись, что она благополучно добралась до места. – Ей правда в радость.

– Да ерунда какая, я ж еще выловлю. – Мужик пожал плечами. – Это у берега их нет, а подальше заплыть, там, на глубине, – сколько хочешь. Так что не берите в голову. Меня, кстати, Андрей зовут, мы из Томска.

– Полина. – Она коротко кивнула, понимая, что более церемонное представление неуместно между полуголыми людьми на пляже. – А вы здорово плаваете.

– Да, у нас-то для этого особо время не выбрать. – Он засмеялся. – Есть неподалеку озеро, большое, глубокое, Песчаное называется. Вот мы летом, когда выдаются выходные, туда всей семьей ездим. Так там теплее восемнадцати градусов вода почти никогда и не прогревается. Двадцать – за

счастье.

– Б-р-р. – Полина передернула плечами. – Я бы в такую воду даже и не залезла бы.

– Да мы привычные. – Андрей засмеялся. – Но на море действительно лучше, вот я и ныряю без устали.

– Вы каждый год на море ездите? – Полина и сама не знала, зачем ведет этот разговор. Но просто повернуться и уйти ей было неудобно.

– Нет, что вы. У меня по роду службы отпуск всегда зимой. За пятнадцать лет летом всего второй раз дали.

– А кем вы работаете? Если не секрет, конечно.

– Да никакой не секрет. Я – парашютист-пожарный, мы лесные пожары тушим. Авиалесоохрана. Слышали?

– Про авиалесоохрану да, – кивнула Полина, – а вот про то, что в ее составе парашютисты есть, признаться, нет.

– Ну а как же. – Андрей даже удивился немного. – Если мы по воздуху к месту очага возгорания добираемся, то вниз-то как попасть? Десантники по веревкам, есть у нас и такое подразделение, а мы с парашютом прыгаем.

– А воду где берете?

– Какую воду? – не понял он.

– Ну, для тушения огня.

– Полина, – Андрей засмеялся, вновь блеснув золотом зубов, – кто же лесные пожары водой тушит, вы что? Это же глупость безумная. Когда дом горит, да, в центр очага возгорания воду льют. А в лесу или в тайге надо отбивать кромку зеленых насаждений, чтобы пожар дальше не перекинулся.

– Как? Отбивать? – глупо спросила Полина.

– Преимущественно лопатой. Мы спускаемся к месту пожара и начинаем окапывать. Иногда несколько дней в лесу проводим. С собой у нас вода, продукты. Хотя бывает, что все это кончается. Помню, как-то на болоте воду брали и через кепку процеживали. Думал все, понос обеспечен, ан нет, не заболел никто.

Жена Андрея посмотрела на Полину, как показалось той, с некоторым недовольством.

– Ой, – спохватилась та. – Извините, заболталась я тут с вами, а за ракушку еще раз спасибо.

Отвернувшись от Андрея и его семьи, она наткнулась на полный неожиданного интереса взгляд «Чехова».

– Пойдемте купаться, – вдруг предложил он.

– Пойдемте, – несколько ошарашенно согласилась Полина, которая уже полностью согрелась.

Он легко поднялся с лежака, отбросив в сторону книжку. «Дина Рубина. Русская канарейка», – успела прочитать Полина и внезапно огорчилась, что не читала.

В полном молчании они зашли в воду и поплыли вдоль натянутого каната, отделявшего плавательную зону от дорожки для катеров, водных мотоциклов и бананов.

– Оля – это ваша сестра? – спросил «Чехов», нарушая молчание.

– Да. – Полина тут же внутренне ощетинилась, готовая дать отпор собеседнику, скажи он дальше что-нибудь нелицеприятное.

– У нее диагноз-то какай? На синдром Дауна не похоже. – В его словах почему-то не крылось нездоровое любопытство. Он спрашивал так же естественно, как дышал, как плыл.

– У нее нет синдрома Дауна, – спокойно ответила Полина. – Она нормальна в плане умственного развития. Отстает, конечно, немного. Но это из-за отсутствия социализации. Иногда ведет себя как ребенок. Но вообще-то все понимает. От этого, впрочем, еще хуже. Представляете, как ее расстраивают словесные уколы, подобные сегодняшнему.

– Да уж, представляю. К сожалению, большинство людей совершенно лишены такта.

– У Оли ДЦП, родовая травма. И еще волчья пасть, знаете о таком заболевании?

– Знаю. Расщепление нёба.

– Вы врач? – Полина посмотрела на него с интересом.

– Нет, отнюдь. Просто довольно много читаю.

– В общем, в детстве она перенесла несколько операций, так что может нормально есть, вот только с дикцией остались проблемы. И ДЦП у нее не в самой сильной форме. Нарушена координация движений. Она может упасть на ровном месте. Ходить на большие расстояния ей тяжело. Вот, пожалуй, и все. Она очень наблюдательная, читать обожает. А такие вот моральные уродки говорят, что она идиотка.

Полина вдруг почувствовала, как в глазах у нее набухли слезы. Не успев удивиться этому обстоятельству (не в ее привычках было рассупониваться перед посторонними), она вдруг и впрямь заплакала, роняя крупные капли прямо в море.

– У-у-у, как мокро, – необидно засмеялся «Чехов». – Дождь над морской пучиной. Я понимаю, Полина. Это, наверное, очень тяжело, постоянно держать внутреннюю оборону, чтобы не дать сестру в обиду. Но вы сильная, вы справитесь.

– Откуда вы знаете?

– Что вы сильная? Так по вам это сразу видно.

– Нет, что меня Полиной зовут.

– Вы рядом со мной знакомились с этим пожарным из Томска, – напомнил «Чехов». – Сказали, что вас зовут Полиной. Я запомнил. Впрочем, так же, как и то, что его зовут Андреем.

– А вас как зовут? А то в нашем положении есть некоторое неравноправие.

– О, вы – феминистка? – Он снова засмеялся и, перевернувшись, лег на спину. – Позвольте представиться, меня зовут Никита.

– Ой, а я почему-то думала, что Антон, – ляпнула она и тут же схватила себя за язык.

– Потому что я на Чехова похож? – Он снова перевернулся и поплыл рядом с ней. – Да ладно вам, не смущайтесь. Мне все про это говорят.

– Ну, слава богу, – облегченно вздохнула Полина. – А то я вначале подумала, что у меня что-то с головой. Увидеть на пляже незнакомого безбородого и безусого мужика и втемяшить себе в голову подобное сравнение.

– Да еще и практически голого, – захохотал он. – Чехов в плавках и пляжных шлепанцах. Действительно, на шизофрению смахивает. Ладно, поплыли к берегу, а то вы опять замерзнете, как в прошлый раз. А сестру вашу, пока мы вместе на этом пляже, я не дам в обиду, так что можете расслабиться. Ей лет-то сколько?

– Двадцать пять.

– А вам?

– Тридцать один. – Полина поняла, что попалась в коварно расставленные силки и засмеялась: – Вообще-то вы не очень-то вежливы.

– Что есть, то есть, – покладисто согласился он. – Но я обещаю исправиться. Мне, кстати, тридцать шесть, раз уж мы за равноправие.

Он не попытался помочь ей выйти из воды, и это порадовало Полину так же сильно, как вчерашнее решение Костика не провожать ее до дома. С этими двумя мужиками можно было просто общаться, коротая время в отпуске, который в компании мамы и Оли не обещал быть особо веселым. А так хоть какое-то, а разнообразие. И не пристают при этом. О большем и мечтать не приходится.

Она вставляла ноги в шлепки, как вдруг на весь пляж раздался истошный визг Оли. На раскрытой ладони сестра держала подаренную ей раковину и громко визжала. В несколько прыжков Полина преодолела расстояние от берега до лежака, краем глаза отметив, что «Чехов», то есть Никита, бежит рядом с ней.

По лестнице, ведущей с набережной, быстро спускалась перепуганная мама, несущая два вафельных рожка с мороженым.

– Оля, что? – Полина успела первая и успокаивающе взяла сестренку за руку.

– Там, там. – Глаза у Оли были выпучены, и она судорожно тыкала пальцем в ракушку, из которой высунул голову небольшой моллюск с острыми рожками-антеннами. – Она ы-вая.

– Ну, конечно, живая, – согласилась Полина, переводя дух. Подбежавшая мама тоже выдохнула и без сил упала на свой лежак, испытывая острое облегчение от того, что ничего страшного не случилось. – Это же моллюск, Оля. Ты же читала про них в книжке. Они живут в таких раковинах. Это их дом, как у улитки, понимаешь?

– А-ни-маю. Я о-юсь.

– Не бойся, моллюски же не кусаются, – терпеливо говорила Полина, обняв сестру за плечи. – Смотри, какая у него мордочка прикольная. Ты его, поди, тоже напугала. Он сидел себе в домике и знать не знал, что ты на свете есть. А тут вылез, тебя увидел, а ты как заорешь. Что он подумал?

– Он не о-зет у-мать, – серьезно сказала Оля. – Не ы-ловек.

– Не человек, – снова согласилась Полина. И, покосившись на сидящую неподалеку полную мамашу в красных пятнах на зареванном лице, не удержалась и добавила: – Хотя и человеки не все могут думать.

– Вы, Оля, этого моллюска не бойтесь, – вдруг вступил в разговор Никита, и Оля перевела на него взгляд, потрясенная тем, что к ней обращаются на «вы». – Давайте положим его на лежак, чтобы он действительно отдохнул от пережитых волнений, а я вам расскажу про действительно страшное морское чудище, которое, по легенде, обитает в этих местах. Хотите?

– А-чу.

– Тогда давайте присядем. Это довольно длинная история.

Оля с блестящими глазами уселась на свой лежак. На его краешке примостилась и неожиданно заинтригованная Полина. Никита же сел рядом с их мамой, убедился, что аудитория готова беспрекословно ему внимать, и начал свой рассказ.

Легенда о морском змее

Вот уже много веков моряки, выходящие в море под флагами разных стран, рассказывают страшные истории о своей встрече с Карадагским чудовищем.

Первый рассказ об огромном змее, обитавшем в Черном море, принадлежал Геродоту. За несколько сотен лет до нашей эры он описал монстра темно-серого цвета, имеющего змееподобное туловище, мощные лапы с острыми когтями и несколько рядов акульих зубов. Горе было тому кораблю, который встречал его на морских просторах. Чудище передвигалось по морю на огромной скорости, легко догоняя парусные суда, гребцы на которых старались изо всех сил, чтобы уйти от смертельной погони.

Древние византийцы называли морского змея Парфирием. Более пятидесяти лет держал он в страхе всю Византию, нападая на торговые суда. Император Юстиниан даже объявил щедрое вознаграждение тому, кто поймает Парфирия, но все усилия были тщетны, змей всегда уходил от погони или вступал в неравную для ловцов битву.

В перерывах между нападениями на суда змей питался дельфинами, которых истреблял с особой жестокостью. И вот однажды в море выследил Парфирий стаю дельфинов, заглотил сразу несколько штук в свою огромную пасть, а остальных начал преследовать.

Дельфины бросились к берегу, чтобы найти защиты у людей. Парфирий за ними. Не рассчитав своих размеров, подплыл он слишком близко к мелководью и застрял в придонном иле. Увидели люди, что плещется в море огромный змей, пытаясь освободиться, бросились к нему, обвязали веревками, закололи кинжалами, зарубили топорами и вытащили на берег тушу, которая достигала пятнадцати метров в длину и пяти метров в ширину.

После убийства чудища спокойно стало в море, однако в шестнадцатом – восемнадцатом веках турецкие мореплаватели, вернувшиеся из походов, начали сообщать своему султану, что вновь видели морского змея в водах Черного моря.

Довелось повстречаться с ним и морским офицерам, служившим под командованием адмирала Ушакова. Поспешили они направить доклад о том, что хозяйничает в Черном море огромная морская змея. Император тут же велел снарядить экспедицию, чтобы изловить неведомое чудовище.

Несколько кораблей с учеными на борту вышли в Черное море. Чудовища за время плавания экспедиция, впрочем, так и не встретила, зато нашла в скалах Кара-Дага огромное яйцо. Внутри него находился зародыш, похожий на маленького дракона, а весило яйцо аж двенадцать килограммов. Научные исследования и споры вокруг него были прерваны Крымской войной, и долгие сто лет о Карадагском чудовище было ничего не слышно. Только легенда о чудище передавалась из уст в уста, пока в 1990 году бригада рыбаков не установила в районе Лягушачьей бухты у подножия Кара-Дага сеть для ловли электрических скатов. Проверяя сеть спустя пару дней, обнаружили они останки дельфина, хвостом запутавшегося в порванной сети.

Живот дельфина был откушен вместе с ребрами. Пасть напавшего на него чудовища достигала не менее метра в ширину, а следы от зубов в длину составляли пять сантиметров. Зрелище повергло рыбаков в такой ужас, что они отрезали сеть, бросили ее в лодку и поспешили покинуть Лягушачью бухту.

Спустя год еще один обезображенный дельфин попался в сети. Новая бригада оказалась не столь впечатлительна, поэтому захватила тело дельфина и привезла его в научный институт, расположенный прямо в заповеднике Кара-Даг.

Но вот незадача – холодильник, в котором дельфина решили сохранить до приезда ученых, внезапно отключился, и туша испортилась. Остались только рисунки мертвого дельфина со следами острых зубов неведомого существа. Однако до сих пор науке неизвестен ни один обитатель Черного моря, который мог бы оставить такие отпечатки. Вновь заговорили о Карадагском чудище, которое обитает в Черном море неподалеку от Коктебеля. И вновь сотни искателей приключений, выходя в море, надеются на встречу с ним, чтобы войти в историю.

Глава 3

Морская прогулка

«Дорогие женщины! Прежде всего вас не должно покидать чувство юмора по отношению к мужчине. И все будет хорошо».

Алла Пугачева

Сегодня Полина собралась на морскую прогулку. Два предыдущих дня она наблюдала с пляжа, как мимо проплывали две маленькие, но гордые деревянные яхты – «Алые паруса» и «Ассоль», держа курс на Кара-Даг.

На набережной громогласная женщина средних лет, которую, судя по бейджу, звали Татьяной, активно зазывала на морскую прогулку на сказочной яхте каждый раз, как Полина шла мимо. Краем глаза она замечала, что люди останавливаются, что-то уточняют, но с покупкой билета не спешат, обещая подумать.

– Только билет у меня купите, – просила им вслед Татьяна, – у нас же сейчас времена такие, каждый ищет, как копейку заработать. Вы подумайте и

возвращайтесь ко мне, я вам билетики выпишу и на яхту сразу позвоню, чтобы места вам забронировать. Хорошо?

– Хорошо-хорошо, – торопливо и не глядя в глаза, отвечали люди. Полина понимала, что они вряд ли вернутся за билетами, которые действительно продавались на каждом шагу. Каждые пятьдесят метров стоял или сидел на разложенном стульчике продавец или продавщица билетов, которые настойчиво пытались всучить поездку на яхте, или прогулку верхом, или рыбалку, или пеший поход на Кара-Даг.

Так уж получилось, что мимо Татьяны она ходила чаще всего, поскольку сидела та в аккурат на повороте с улицы Ленина, где и располагалась столовая «Творческой волны». Поэтому минимум четыре раза в день, а то и чаще, поскольку по набережной туда-сюда ходить приходилось постоянно, Полина слышала это торопливое: «только ко мне возвращайтесь», и каждый раз ей становилось отчего-то очень жалко Татьяну, у которой никто ничего не покупал.

Сегодня утром, по дороге с завтрака, она решительно купила билет на «Алые паруса», которые отправлялись с причала «Алма» в четырнадцать часов.

«Удобно, – подумала Полина. – Утро проведу на пляже, потом сходим пообедать, верну маму с Олей на лежаки, сама покатаюсь на яхте, а часам к четырем приду за ними на пляж».

Поход на завтрак ознаменовался еще одним событием. Прямо напротив входа в столовую находились ворота элегантного и стильного Дома писателей. Белый дом, напоминавший корабль, выглядел на узкой и заросшей давно не стриженными тисами улочке как инородное тело. На его территории, как гласила реклама, располагалось манерное и жутко дорогое кафе, мощенная плиткой дорожка вела к арт-галерее, носившей странное название «Подзаборники», территория по вечерам освещалась фонарями с мягким желтым светом.

Дом писателей выглядел дорого и респектабельно. В день приезда, выбирая, где бы им остановиться, Полина даже сунулась туда на ресепшен, однако номер стоил четыре тысячи в сутки, поэтому она предпочла «Троянду», где комната обошлась им всего в тысячу с копейками. Шиковать им было не по карману.

Тем не менее каждый раз, проходя мимо зеленых ворот, рядом с которыми на бывшей клумбе чья-то невидимая рука выкладывала из камушков сегодняшнее число, она с легкой грустью смотрела на дом-корабль, мечтая о том, как бы славно ей здесь отдыхалось.

И вот сегодня, вставая в столовой в очередь, хвост которой по обыкновению кончался на улице, она вдруг заметила, как из ворот Дома писателей вышел вчерашний «Чехов», то есть Никита. Шел он расслабленно и уверенно. По всему было видно, что он-то как раз живет здесь, в одном из самых престижных отелей Коктебеля, если, конечно, верить интернету.

«Он, наверное, писатель, – вдруг подумала Полина. – Вон он как вчера интересно рассказывал легенду про морского змея. Мало того, что Оля, так даже я заслушалась. Сразу видно, что речь у него связная, истории он излагать умеет и живет здесь, и на Чехова похож. Точно, писатель. Ой, как интересно. Никогда в жизни с живым писателем знакома не была!»

Оля сегодня почему-то копалась дольше обычного, поэтому, когда Полина в раздражении доставила свое семейство на пляж, Никита уже был там, впрочем, как и Костик. Сияя своей бесподобной улыбкой, он по-хозяйски похлопал по лежаку рядом со своим.

– Полька, привет, – радостно закричал он. – Располагайся. Потеряла меня, поди, вчера? А я на Ай-Петри ездил. Ух и красота там.

Полине почему-то показалось, что Никита как-то поскучнел, завидев бурную радость Костика, но она тут же решила, что этого не может быть. В конце концов, они были едва знакомы, и вряд ли писателю было какое-то дело до нее и ее взаимоотношений с весельчаком Костиком.

– С чего бы мне было тебя терять, – все-таки довольно прохладно сказала она. – А что на экскурсию съездил, так молодец. Красиво там, наверное.

– Умопомрачительно, – согласился он. – Я уже восьмой раз в Крыму и обязательно каждый раз туда езжу. Ощущения непередаваемые. Идешь по веревочной дороге, справа пропасть, слева пропасть. Супер!

– Не уверена, – пробормотала Полина, которая боялась высоты.

– Я вообще считаю, что в отпуске нечего сиднем сидеть, обязательно надо путешествовать, на экскурсии ездить, – громогласно продолжал Костик, мало заботясь тем, что его мнение может быть не всем интересно. – Пузо греть на пляже много ума не надо. Нужны новые впечатления, тем более что в Крыму для этого все есть. Вот вы, – обратился он к Никите, – на Ай-Петри были?

– Не был, – с усмешкой ответил тот.

– Вот я и говорю. Лень всем. А надо себя перебарывать, работать над собой. – Он снова оглушительно захохотал.

– А я сегодня на морскую прогулку еду, – вступила в разговор Полина, у которой возникло острое желание защитить писателя от нетактичного Костика. – На «Алых парусах», уже и билет купила.

– Да ну, это же неинтересно, – с готовностью переключился на нее Костик. – Довезут до мыса, пару бухт покажут, две легенды расскажут, с палубы в море бултыхнут на две минуты и вернут обратно. Тоже мне – приключение.

– А ты был, чтобы рассуждать? – закусив губу, спросила Полина.

– Да был, конечно. Знаю, о чем говорю.

– Ну вот, видишь, а я не была. Так что предпочитаю делать выводы на основании собственных впечатлений.

– А на сколько вы билет купили? – спросил вдруг Никита. – Я бы, признаться, тоже сплавал, а вдвоем веселее.

– На два часа. – Полина весело рассмеялась, увидев теперь уныние на лице Костика. Тот попал в расставленный собой же капкан. После пренебрежительного отзыва о морской прогулке он уже никак не мог заявить, что поедет вместе с ними.

Утро тянулось своим чередом. Появились подруги-мамашки, одна из которых бросила на Полину полный ненависти взгляд. Пришел пожарный Андрей со своим семейством, подождал, пока жена с дочкой искупаются, и, прихватив

ласты и маску, исчез в море.

– По-я, он мею иэт? – шепотом спросила Оля, дернув старшую сестру за руку.

– Что? – не поняла она.

– А-эй и-эт мею?

– Какую змею? А-а-а, ты имеешь в виду змея, – догадалась Полина. – Ты думаешь, что Андрей ныряет, чтобы поймать морское чудище, про которое вчера Никита рассказывал?

– Ага. – Глаза сестренки светились лукаво.

– Нет, он просто ищет ракушки, такие, как тебе вчера подарил. Нет тут никакого змея, это все легенда. Ты же знаешь, что это такое. Читала.

– Мея нету, а эль-фины эсть?

– Дельфины есть, – согласилась Полина, и вдруг, будто в подтверждение ее слов, метрах в двадцати от берега дугой выгнулся над поверхностью моря красавец-дельфин. Как горячий нож в масло вошел в воду и снова взлетел над ним, и снова нырнул, заставив пляж вздохнуть в едином восхищении.

– Боже мой, дельфины, – закричала Полина, забыв, что она уже не маленькая восторженная девочка, а тридцатилетняя, замученная жизнью серьезная особа, везущая на своей хребтине воз ответственности за всю семью. – Оля, мама, Никита, Андрей, Костик, смотрите, дельфины! Настоящие! Боже мой, какие же они красивые!

– Тут дельфинарий есть, – прямо над ее ухом сказал неизвестно как оказавшийся рядом Никита. – Слышите, Полина? Раз вы так любите дельфинов, то сходите обязательно. Вам понравится представление. И Оле тоже.

– Схожу, – пообещала Полина, поворачиваясь к нему. Дельфина уже было не видно. Он скрылся, напуганный быстро проехавшим поблизости водным мотоциклом, и она вдруг испытала острое чувство потери. – Но вообще-то не

думаю, что мне понравится в дельфинарии. Там они в неволе. И их нестерпимо жалко. Это же просто чудо какое-то, а не существа.

– Если нам повезет, то сегодня на морской прогулке мы их обязательно встретим, – улыбнулся Никита. – А вообще я с вами согласен. На воле им гораздо лучше.

Яхта уверенно рассекала морскую гладь. Волн не было, поэтому деревянную посудину почти не качало. Полина сидела на носу с правого борта и без устали фотографировала открывающийся вид на знаменитые бухты Кара-Дага – Лягушачью, Северную и Южную Сердоликовые, знаменитую Разбойничью, где, по словам экскурсовода, когда-то лихие разбойники прятали награбленное в глубокой пещере, возникающей в скале прямо из моря.

– Интересно, а сейчас туда залезть можно? – спросила она у Никиты, который тоже смотрел по сторонам, впрочем, вполне равнодушно, не разделяя ее азарта.

– Можно, наверное, – ответил он. – Такая яхта к берегу не подойдет, большая слишком, а на маленьком катере подплыть поближе и попробовать исследовать пещеру вплавь вполне себе вариант.

– Интересно же, – конфузливо сказала Полина, немного стесняясь своего детского интереса. – Тут же и опалы встречаются, и аметисты, и пестроцветные яшмы. Вон, в лавочках на набережной сколько украшений, они же все отсюда.

– Хотите поохотиться за сокровищами? – Никита хитро прищурился, и в его глазах, отражающих солнечные блики на воде, вдруг запрыгали чертенята. – Что ж, давайте попробуем нанять быстроходный катер. Только, чур, не бояться. Приключения так приключения. Хорошо?

– Договорились, – засмеялась Полина. Ей очень нравилась морская экскурсия. Теплый ветер обдувал ее уже тронутые загаром плечи. Капитан, он же экскурсовод, одну за другой показывал каменные фигуры, прячущиеся в скалах – Лев, Воин, Сфинкс, Слон, целый сонм Лягушек, Сокол, Чертов камин, Иван-разбойник, и Золотые ворота, когда-то называвшиеся Чертовыми – Шайтан капу – которые и были конечной целью их недолгого путешествия.

Впрочем, вблизи ворота оказались совсем неинтересными, на картинке они выглядели гораздо заманчивее. Посредине моря торчала скала со сквозной дыркой посередине. И все. На жарком летнем солнце она вовсе не выглядела золотой, скорее какой-то пегой.

– Золотится она только при определенном освещении, – будто услышав ее внутренние сомнения, сказал ей в ухо Никита. – Например, на рассвете, когда солнце только встает. Или на закате. Правда, чтобы это увидеть, смотреть нужно с определенной точки – с дикого пляжа, расположенного у подножия скалы-Льва. Только оттуда свет, преломляясь, дает иллюзию золота. Знаете, за счет чего это происходит?

– Нет. – Полина покачала головой, как завороженная слушая его тихий, словно бархатный голос.

– Все просто и обыденно. Скала эта покрыта желтым лишайником. Он-то и светится на солнце. Правда, я думаю, что сейчас нужный цвет и на рассвете-то не увидишь.

– Почему?

– Потому что скала изрядно загажена птичьим пометом. Тут, на Кара-Даге, самая большая природная популяция краснокнижного хохлатого баклана. Он тут гнездится и оставляет богатые следы своей жизнедеятельности, от этого и эти белые потеки.

– Не очень-то романтично. – Полина брезгливо повела плечами.

– Уж как есть. Еще два года назад все экскурсионные катера проплывали в арке золотых ворот, чтобы туристы могли загадать желание и бросить монетку. Тогда то, что арка белая, а не золотая, было видно особенно отчетливо. Но сейчас это строжайше запрещено, чтобы не разрушать скалу. Сами знаете наших людей, они, проплывая мимо, обязательно отколупнут что-нибудь себе на память.

– А почему до этого скала называлась Чертовыми воротами?

– Потому что здесь находился вход в преисподнюю.

– Вы что, шутите? – Полина испытующе заглянула ему в лицо.

– Нет, так гласит легенда, а они никогда не врут. Вы знаете, сколько глубина в самой арке ворот? Пятнадцать метров. Так что вход в преисподнюю надежно спрятан под толщей воды.

Полина опасливо посмотрела за борт. Яхта встала на якорь, и всем желающим искупаться напротив Золотых ворот выделили ровно десять минут. Изначально она собиралась искупаться в чистейшей прозрачной воде, сквозь толщу которой было видно сердитое каменистое дно, однако пользоваться металлической лесенкой, спущенной с правого борта яхты, разрешили лишь для того, чтобы вылезать из воды. Спуститься по ней было нельзя, только нырять, а это уже, по мнению Полины, было удовольствием сомнительным, как и возвращение обратно с мокрой головой на ветру. Сознаваться самой себе в том, что она не хочет купаться рядом с преисподней, ей не хотелось. Возможная простуда, как объяснение, выглядела гораздо убедительнее.

– Не будете купаться? – спросил у нее Никита.

– Не буду, – немного раздосадованно помотала головой она.

– А я, пожалуй, искупнусь.

Он сорвал белую майку и прямо в шортах выпрыгнул за борт, Полина только и успела, что слабо ойкнуть.

Вслед на Никитой в воду посыпались, быстро и весело раздевшись, и другие пассажиры – высокий, начинающий седеть мужчина в фирменных лакостовских шортах и рубашке-поло, умопомрачительных дорогих очках и водонепроницаемых часах, тоже просто кричащих о богатстве. А за ним его спутница, молодая девчонка лет двадцати, не больше, с прекрасной тоненькой фигурой, явно любовница, вывезенная на море богатым папиком.

На фоне большинства пассажиров яхты – семейных пар разного возраста и разной же степени облезлости – в резиновых литых тапках с вещевого рынка, дешевых шортах и майках, халатах и сарафанах – они смотрелись совершенно инородно. Видно было, что мужику некомфортно в столь непривычных для себя условиях. Судя по средиземноморскому загару, ему доводилось бывать на

пляжах Испании, Италии, Франции, и лишь финансовый кризис заставил его выгулять очередную любовницу на российском юге.

Ныряли и плавали мужик с девицей хорошо. Красиво. Полина, краем глаза следившая за пируэтами, выделываемыми в воде Никитой (вдруг начнет тонуть), разглядывала эту пару с удовольствием. Послышался громкий плеск, второй, третий, и в воду ушли еще купающиеся – троица крепких мужиков, до этого сидевших на корме.

«Может, и зря я не купаюсь, – с запоздалым раскаянием подумала она. – Жалеть же потом буду! Хотя Никита пообещал, что мы арендуем катер и приедем сюда снова. Тогда и накупаюсь, если не обманет, конечно».

По свистку капитана пассажиры начали подниматься на яхту. Ладный мужчина протянул руку своей девице, которая распустила длинные черные волосы и теперь промокала их пушистым полотенцем. Рядом с Полиной прыгал на одной ноге Никита, вытряхивая воду из уха. Крепкая троица прошла на самый нос и расположилась на деревянном настиле, подставив мокрые тела солнцу.

Они выглядели так необычно, что Полина, засмотревшись на них, даже рот раскрыла. Все трое были в одинаковых черных плавках. Два крепких, мускулистых, явно накачанных мужика по бокам были похожи, как близнецы – гладкая кожа, короткие, зачесанные назад мокрые волосы, перекатывающиеся бугры мышц.

Между ними сидел хлипкий, невысокий мужичонка лет пятидесяти, весь расписанный «под хохлому». Пока он шел к носу яхты, Полина рассмотрела на его спине семь вытатуированных церковных куполов с семью крестами, на груди красовалась икона с Божьей Матерью, богатые татуировки сплошь покрывали руки и ноги. Мужик был явно сидевшим, причем долго и прочно, и что его связывает с расположившимися по краям крепкими парнями даже без намека на татуировки, для Полины было загадкой.

Троица выглядела так живописно, что ей даже захотелось сфотографировать их, но мужики смотрели прямо на нее, сделать снимок тайком она вряд ли бы смогла, а фотографировать посторонних людей открыто ей показалось неприличным. Не разрешения же спрашивать, в самом деле. Решат еще, что она не в себе.

В общем, фотографировать расписного мужика и его сопровождающих она не стала, тем более что, обсохнув на солнце, они ушли обратно на корму. Яхта уже подплывала к пирсу, с которого началось их путешествие.

Сходя на берег, Полина чуть не столкнулась с семейной парой – усталой, даже измученной женщиной, которая бережно вела под руку мужчину на протезе. Снятую майку он держал в руках, и Полина, извинившись и обойдя их стороной, успела заметить, что у него на груди тоже есть татуировка – солнце, встающее из-за гор, и непонятная надпись.

– Что-то нам сегодня на зэков везет, – в сердцах сказала она, нагоняя ушедшего чуть вперед Никиту.

– Каких зэков? – не понял он.

– Да полный корабль мужиков с татуировками. Смотреть неприятно.

– Если вы про мужчину на протезе, то он – не сиделец. Он из Афгана.

– Откуда вы знаете? – Полина даже опешила от столь неожиданного предположения.

– Такие татуировки делали те, кто в Кандагаре воевал, – пожав плечами, ответил Никита. – А цифры – это номер части и год. 1987-й.

– А тот, второй, на котором живого места нет?

– Вор в законе.

– Кто-о-о?

– Мужик с охраной, который вместе со мной купался, а потом на носу яхты обсыхал.

– С чего вы взяли, что он – вор в законе? И что эти двое – его охрана?

– Полина-а, так это ведь видно. – Он насмешливо посмотрел на нее. – На нем же все написано. Семь ходок. Явный авторитет. Ну, может, не вор в законе, но смотрящий, так точно. И эти двое с него глаз не сводили.

– Но они же чистые, без татуировок.

– Ну и что? Им по статусу не положено. Это охранники. Он купаться с яхты, и они за ним. И ходят по бокам, и глазами все время по толпе шныряют, как бы чего не вышло.

– Ой, а я их сфотографировать хотела. – Полина остановилась посредине струящегося по набережной людского потока и взялась руками за щеки, тем же жестом, что и Оля. Никита усмехнулся.

– В лучшем случае, у вас бы не было вашего телефона, которым вы фотографируете, – серьезно сказал он. – В худшем, они бы вас в порядке воспитательной работы в море сбросили. Вы так никогда не делайте, ясно? Это не шутки.

– Ладно, не буду, – пообещала она, и они пошли дальше.

По мере приближения к пляжу Полину все больше охватывало странное чувство жалости, что морская прогулка оказалась такой короткой и осталась позади. Она вдруг снова ощутила теплый соленый ветер на своей щеке, услышала негромкий голос Никиты, рассказывающего о Золотых воротах, увидела солнечные блики на зеленой, кристально чистой морской воде, подмигивающие ей, как дьявол из преисподней.

Все, что происходило с ней, было так не похоже на повседневную рутину, в которой, как в сетях, билась и задыхалась ее жизнь, что она каждой жилкой тела чувствовала скоротечный бег времени. В Коктебеле она жила уже четвертый день, а значит, впереди оставалось еще только десять, наполненных солнцем, морем, новыми знакомствами и возможными приключениями. А потом придется вернуться домой, в холод надвигающейся осени, повседневное разгребание грязи, в прямом смысле этих слов, к чужим капризным детям, а главное к утраченной надежде на возможное счастье. Здесь же, в Крыму, казалось, все дышало им. И расставаться с призрачностью мечты ужасно не хотелось.

«Зря местные считают, что вход в преисподнюю находится под Золотыми воротами, – вдруг с невесть откуда взявшимся отчаянием подумала она. – Преисподняя – это когда тебе утром не за чем вставать из постели, кроме как ради ненавистной работы. Преисподняя – это когда возвращаешься домой, где тебя никто не ждет. Мама и Оля – не в счет. Преисподняя – это когда ты вынуждена ложиться в постель с мужчиной, которого не любишь и не хочешь. А здесь – просто рай. Как же они этого не понимают?»

Ее новый знакомый, писатель Никита, даже не подозревавший о буре чувств, раздирающих Полину, шагал чуть впереди, смешно выкидывая вперед длинные, голенастые ноги. Плавательные шорты на нем давно высохли, майка плотно облегала не очень спортивный, с намечающимся жирком, но довольно крепкий торс. Сейчас он ничем не напоминал ей Чехова, и она даже удивилась мимолетно своей вчерашней пляжной фантазии. Это был совсем обычный мужчина, пусть даже и с довольно необычной профессией, и отчего-то от этой мысли Полине вдруг разом стало скучно.

Ее нахмуренная физиономия на пляже пришлась явно по душе балагуру Костику.

– А я предупреждал, – заметил он, когда Полина шлепнулась на край лежака и начала стаскивать шорты и майку. – Я говорил, что это скучная экскурсия. Незачем было тратить ни время, ни деньги.

– Ты был прав. Я это признаю. Доволен? – зло бросила Полина, и Никита оглянулся на нее в немом изумлении.

– Да с чего мне быть довольным-то? – растерянно пробормотал Костик. – Мне, как говорится, без разницы.

– Ну и не зубоскаль. – Она отшвырнула майку, которая никак не хотела сниматься, и, не оглядываясь, побежала в море. Никита и Костик смотрели ей вслед.

Глава 4

Случай на пляже

«Я не хочу идти по чьим-то следам. Мы же не на минном поле, правда?»

Фамке Янссен

К вечеру от внезапно нахлынувшего дурного настроения не осталось и следа. Полина и сама не знала, какая муха ее укусила. В памяти всплывали только самые приятные впечатления от прогулки на яхте. Чтобы помириться с Костиком (хотя она была не уверена, что они ссорились), Полина согласилась вечером сходить с ним на очередной концерт.

На этот раз на открытой веранде ночного клуба местные исполнители перепевали репертуар русского рока. Обычно Полина была категорически против таких вольностей. С ее точки зрения никто, кроме Шевчука, не мог петь песни Шевчука, и никто, кроме Никольского, не мог попасть в нужное настроение, заводя «Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант».

Но неожиданно концерт оказался очень даже неплох. По крайней мере, песни «Воскресения» и «Машины времени» вполне можно было узнать, а Шевчук и Арбенина в необычной аранжировке и вовсе пришлись ей по вкусу. Садиться за столик они не стали, Полине вовсе не улыбалось, чтобы Костик снова за нее платил, но прогуливаться по набережной и подпевать словам, которые она знала наизусть, тоже было очень даже неплохо.

Толпа на вечерней набережной была довольно плотной, но крепкий и плечистый Костик надежно ограждал ее от встречного потока гуляющих, иногда решительно отодвигая кого-то из особо настырных.

У балюстрады набережной закипала ссора. Молодой, крепкий мужчина в черных джинсах и майке тянул за руку хрупкую женщину с распущенными длинными волосами. Женщина стояла к Полине спиной, но почему-то казалась смутно знакомой, впрочем, как и ее спутник.

«Где же я их видела?» – лениво думала Полина. Вопрос, по большому счету не стоящий ни малейшего внимания, зудел в ее виске, как назойливый комар. Почему-то ей было очень важно вспомнить, где и при каких обстоятельствах она

впервые встретила ссорящуюся пару. В том, что они ссорились, не было ни малейшего сомнения. Женщина своенравно вырывала руку, а мужчина аккуратно, но твердо пытался взять ее повыше локтя, чтобы заставить двинуться в нужную сторону.

В какой-то момент женщина, вырываясь, повернулась к Полине в профиль, и ту словно молния озарила. Это был профиль той самой художницы, которая в первый ее вечер в Коктебеле так лихо заказала ужин в кафе «Бочка». Сейчас сарафан на ней был другой, но тоже стильный и явно дорогой. Водопад роскошных волос, все так же не сдерживаемый никакими заколками, струился по узкой, ровной спине. Лицо незнакомки сейчас было искажено гневом, она отрывисто что-то говорила, а не была так расслабленна и безмятежна, как во время их первой встречи, но все же это была именно она.

Напоследок бросив что-то злое (слов было не разобрать, но Полина даже не сомневалась, что фраза была именно злой, настолько резкий жест ее сопровождал), она решительно освободилась из рук своего спутника, повернулась, сделала пару шагов и словно растворилась в толпе. Мужчина дернулся было вдогонку, но затем досадливо махнул рукой и двинулся ко входу в ночной клуб.

Проходя мимо Полины, он бросил на нее короткий взгляд, и тут она узнала и его. Это был один их давешних охранников, нырнувших в море у Золотых ворот вслед за тем мужиком, сплошь покрытым татуировками, которого Никита назвал вором в законе.

«Какие интересные у этой дамы знакомые, – мимолетно подумала Полина. – Выглядит такой интеллигентной и утонченной, а якшается с бандитами».

Впрочем, мысль эта тут же ушла на задний план, а потом и вовсе затерялась под натиском новых эмоций. Из ночного клуба понеслись звуки «Настоящего индейца», и Полина начала громко подпевать, потому что песню эту просто обожала. Она и сама не могла объяснить, почему эта незамысловатая мелодия и особенно текст наполняют ее такой сумасшедшей энергетикой. Раскачиваясь в такт песни, она напрочь забыла и незнакомку, и ее ссору с крепким молодым человеком.

Разгоряченная музыкой, она все-таки позволила Костику уговорить ее выпить по кружечке пива, потом по второй, затем по третьей. Дальнейший вечер канул, нет, не в темноту, а в яркий, брызжущий ворох искр, которые вертелись вокруг, сливались воедино и снова разбегались веселым фонтаном. Как известно, настоящему индейцу все всегда везде ништяк.

Солнце брызнуло в глаза из-за отдернутой мамой шторы, Полина проснулась и тут же зажмурилась от его невыносимого света. Ну просто искры из глаз! Голова болела невыносимо. Во рту с трудом ворочался тяжелый, твердый, как камень, и сухой, как наждачка, язык. Полина попыталась сглотнуть слюну, но у нее не получилось.

– Ма-ам, дай попить, – жалобно простонала она, понимая, что прямо сейчас умрет и что вода, холодная газированная вода с пузырьками, бьющими о край стакана и весело выпрыгивающими за его пределы, станет ее последним предсмертным желанием.

– Попить я тебе, конечно, дам, – почему-то раньше Полина никогда не задумывалась, что у мамы такой громкий и пронзительный голос, – вот только напиваться, как сапожник, до состояния утреннего похмелья, я бы тебе не советовала.

– Ма-ам, – еще жалобнее простонала Полина, припадая измученными губами к спасительному стакану и сделав первый глоток. – Я только пиво пила, ты что?

– Да? – Мама проницательно и чуть иронично посмотрела на нее. – И позволь узнать, сколько именно?

– Два бокала. Нет, три. Я не помню. Какая разница?

– Да большая разница. – Мама философски пожала плечами. – Ты уверена, что после пива не было чего-то покрепче? А то, судя по твоему поведению и твоему, извини, внешнему виду, одним пивом дело явно не ограничилось.

– Конечно, не было, – возмутилась Полина, но возмущение в ее голосе сразу увяло, – хотя этого я тоже точно не помню. Мам, я домой-то как попала?

– Костик привел, – сообщила Виктория Андреевна, весело глядя на дочь. – Под белы руки привел и сдал мне. По описи, все чин-чинарем. Руки две, ноги две, туловище одно, голова… Головы не было. Потеряла ты голову, доча.

– Будем искать, – вздохнула Полина, которой даже в такой ситуации не изменяло чувство юмора. – Сейчас, в себя приду только. Давай считать, что пока я – всадник без головы. Вернее, всадница. Только эта отсутствующая голова у меня почему-то так болит, что спасу нет. Может, мне таблетку какую выпить?

– На, держи, алкоголичка ты моя начинающая. – Мама достала из сумки упаковку с растворимым аспирином, бросила шипучую таблетку во вновь наполненный водой стакан и протянула его дочери. – Выпей маленькими глотками и иди в контрастный душ. После завтрака в море искупаешься, и все пройдет.

При мысли о завтраке черти в желудке начали исполнять веселую ирландскую джигу, и Полина снова застонала.

– Что? Плохо тебе? А нечего пить, – назидательно сказала мама. – Давай, вставай, никому тебя тут не жалко. Собирайся и пошли ставить тебе голову на место.

То ли от воздействия спасительной таблетки, то ли от маминых нравоучений, но голова действительно довольно быстро прошла. Осталась лишь чугунная тяжесть, которая особых хлопот не доставляла. В столовой Полина даже смогла с внезапно проснувшимся аппетитом съесть пышный омлет с помидорами и сыром, после чего черти в желудке вступили в пионеры и дали торжественную клятву вести себя хорошо.

На пустынном по-утреннему пляже народу было немного, поэтому, воровато оглянувшись, Полина разделась догола и, войдя в гладкое, тихое спросонья море, поплыла, чувствуя, как теплая вода равномерно обнимает ее тело. Купаться голышом она очень любила.

От плавания голова прошла совсем, даже тяжесть растворилась без остатка. Завернувшись на берегу в поданное скептически настроенной мамой полотенце, она добежала до лежака, быстро натянула купальник и теперь была готова во всеоружии встречать новый день.

– Привет, как здоровье? – послышался от ведущих на пляж ступенек веселый голос Костика.

– Нормально. Но ты, между прочим, свинья. Напоил девушку, воспользовался ее состоянием, так сказать.

– Каким таким состоянием? – спросил Костик, в его глазах мелькнуло настороженное выражение.

– Расслабленное под воздействием хорошей музыки. Мы хоть после пива ничего не пили?

– Нет. – Он понял, что она имеет в виду, и облегченно рассмеялся. – Только пиво. Лично ты выпила пять бокалов.

– А ты?

– А я четыре, – с готовностью отозвался он, – но у нас с тобой, это, кондиция разная.

– Клиент уже дошел до кондиции, – весело отозвалась она, цитируя обожаемую «Бриллиантовую руку». – Все, больше я с тобой по злачным местам не хожу. Себе дороже.

– Да ладно тебе, нужно же когда-то расслабляться. – Он пожал плечами. – Вон ты какая зажатая. А когда пьянеешь, такая раскрепощенная делаешься, как нормальная веселая девчонка. А почему? Потому что голову выключаешь. В бабе голова – не главное. Уж ты мне поверь.

Полине почему-то стало неприятно. Даже холодные мурашки побежали по рукам от его самодовольного голоса, но она помотала головой и решила не обращать внимания. В конце концов, он мог просто неудачно пошутить, не имея в виду ничего плохого. Да и не детей ей с ним крестить, на самом-то деле.

Утро потянулось своим чередом. Пришли мамаши с детьми, окинувшие Полину привычным злобным взглядом, рядом натягивал ласты пожарный Андрей. Сегодня он был один, без семьи.

– Жена с дочей в Новый Свет уехали, на экскурсию, – охотно пояснил он, сверкнув золотым зубом.

– А вы что же не поехали? – огорчился Костик. – Там очень места красивые и экскурсия по тропе Голицына интересная. Удовольствие бы получили.

– Да ну, не люблю я все это. – Андрей покрутил головой на мощной крепкой шее. – У меня следующий отпуск летом, может, через десять лет будет, так что я лучше в море.

Стянув с головы бандану, он кивнул Полине и Костику и, молодцевато втянув живот, зашлепал к берегу.

На лесенке, ведущей с набережной, появился писатель Никита. Полина почувствовала одновременную нечаянную радость от его прихода и следом – острое чувство счастья, что он вчера не видел ее пьяной.

«Какое ему до тебя дело, – тут же одернула она себя. – Пьяная ты или трезвая, ему это одинаково до лампочки».

– Что-то вы сегодня припозднились, – сказала она, чтобы начать разговор, а не просто стоять и глупо улыбаться, наблюдая, как он идет ей навстречу.

– Да с отельным водителем разговорился, – медленно, как будто нехотя, пояснил Никита. – Он меня из аэропорта вез, я остановился поздороваться, вот языками и зацепились.

– И о чем вы разговаривали? – Она и сама не знала, зачем выпытывает такие подробности.

– Да о том, о чем сегодня с утра шушукается весь Коктебель.

– В смысле? – Полина всмотрелась ему в лицо, не имеет ли он в виду ее ночное пьянство, но он был абсолютно серьезен. – А что обсуждает весь Коктебель?

– Убийство своего мэра, – ответил он, и она от неожиданности с размаху села на свой лежак.

– Как убийство? – почему-то шепотом спросила она и тревожно оглянулась, не слышит ли Оля. Сестра была в море вместе с мамой, поэтому она снова перевела взгляд на Никиту и повторила: – Какое убийство?

– Сегодня ночью мэра поселка нашли повесившимся в своем доме.

– Кто нашел?

– Жена. Она вызвала «Скорую», но спасти его так и не удалось.

– А с чего тогда ваш водитель взял, что это убийство? – вмешался в разговор Костик, который, как оказалось, внимательно слушал их беседу.

– Да с того, что не было у него причин, чтобы вешаться. Так жена говорит. И, кстати, когда она его нашла, он еще жив был и все бормотал чего-то.

– А что он бормотал? – спросила Полина с неожиданным интересом. Она очень любила детективы и сейчас слушала рассказ Никиты как будто он вслух читал новую, очень интересную книжку. У него вообще был удивительный дар рассказчика, это она уже заметила. Самые обыденные фразы в его устах складывались в связный, невероятно интригующий рассказ.

– И откуда этот ваш водитель знает, что именно он бормотал, – рассмеялся Костик. – Ох, уж мне эти провинциальные сплетни! Как я однажды прочитал в одной газете областного разлива, «преступник подошел к гробу своей жертвы и подумал о том, что его месть свершилась. Непроизвольно он сжал в кармане пальцы в кулак». Я тогда смеялся в голос, откуда журналистка, написавшая этот опус, знала, о чем думал преступник, и как она могла видеть, что он сжал пальцы в кулак, если рука была в кармане. Так что эти подробности про бессвязное бормотание наверняка из этой серии.

– Жена Петра, это тот самый водитель, с которым я разговаривал, работает на «Скорой помощи», – серьезно ответил Никита. – Она была в составе той бригады, которая выезжала на место происшествия, так что бормотание она слышала собственными ушами. По ее словам, он все твердил одно и то же слово.

– И какое же? – В голосе Костика по-прежнему слышалась неприкрытая ирония.

– Прыгун. А перед тем, как испустить дух, вдруг отчетливо произнес: «Найдите его. Он в городе. Он приходил».

– Боже ты мой, какой сюжет, – фыркнул Костик. – Вам детективы надо писать, любезный, а то я вас прямо заслушался. Ладно, меня провинциальные страсти не интересуют. Пойду искупнусь.

– Надо же, – тихо сказала Полина, которая была под впечатлением от услышанного. – Такой маленький, тихий, мирный город. Все люди вокруг расслабленные, счастливые. Купаются, песни поют, джаз слушают. Но и здесь творится зло. А вся эта благодать не более чем ширма, занавес, за которым разыгрываются драмы жизни. Грустно это.

– Какая вы впечатлительная. – Никита вдруг взял ее за руку. – Не переживайте так, Полина. В жизни добро и зло существуют в этаком динамическом равновесии, как сказали бы химики или физики. Иногда побеждает одно, иногда другое. И вероятность совершения злых поступков здесь точно такая же, как и в любой другой точке земного шара.

– Да вовсе я не впечатлительная. – Она тихонько вытащила из его ладони свою. – Просто я постоянно нахожусь в боевой готовности, чтобы лицом к лицу встретить возможные неприятности. А здесь как-то расслабилась. Видимо, напрасно.

– Полина, невозможно все время находиться в боевой готовности, – серьезно сказал он. – Отдыхать тоже нужно, иначе натянутая в вас пружина когда-нибудь лопнет. Случившееся убийство или самоубийство, это уж следствие покажет, вас лично и вашу семью никоим образом не касается, а потому повлиять на ваш отпуск никак не может. Я уже жалею, что вообще при вас затронул эту тему. Так что давайте договоримся: пока мы оба здесь, вы будете расслабляться и отдыхать на полную катушку, а я буду в боевой готовности, чтобы в любой момент оградить вас от возможных неприятностей, если вдруг они появятся. Договорились?

– Нет, не договорились, – покачала головой Полина. – С какой стати вы должны обо мне заботиться?

– Как говорил герой фильма «Москва слезам не верит»: на том простом основании, что я – мужчина.

– Не-а, не работает. – Она слабо улыбнулась. – Там Гоша говорил это своей женщине, а я вам – женщина совершенно посторонняя. Кроме того, я не привыкла к тому, чтобы меня опекали. Вы не переживайте, Никита. Я сама справлюсь.

– Как будет угодно, – немного церемонно сказал он и отошел к своему лежаку. До обеда он больше не пытался с ней заговорить, что Полину слегка нервировало.

– Костик, пойдем сегодня джаз слушать? – обратилась она к своему соседу справа, чтобы заставить соседа спереди немного поревновать. Это было глупо, но она ничего не смогла с собой поделать.

– Прости, Полин, но я завтра на экскурсию в Ливадию собрался, мне в семь утра уже выезжать, так что сегодня я пас, хочу выспаться.

– М-м-м, – притворно огорчилась она, хотя на самом деле повторять вчерашние приключения ей совсем не хотелось. Сегодняшний вечер она мечтала провести на балконе своего гостиничного номера, вдвоем с книжкой. Писатель на своем лежаке даже не пошевелился.

«Пень дубовый», – огрызнулась она про себя, прекрасно осознавая, что в ее действиях напрочь отсутствует логика, впрочем, как и в мыслях. И с ужасом услышала свой собственный голос:

– А может, мне с тобой в Ливадию завтра махнуть, а, Костик?

– Полька, я бы с удовольствием, – засмеялся тот, – это было бы здорово, потому что я там уже сто раз был и смог бы тебе все показать, но я же не сам еду, а с экскурсией, на нее билеты еще три дня назад распродали. Так что на завтра мест в автобусе нет.

– А вы откуда знаете? – Писатель все-таки проявил свой интерес к их беседе. – Мне бы в голову не пришло любопытствовать, все места проданы или нет.

– Да сосед у меня тоже собрался, – с готовностью ответил Костик. – Я обмолвился вечером, что билет купил, он и загорелся. Ну, мы с ним у одной хозяйки комнаты снимаем. А потом пришел, говорит: извини, Константин, не судьба. Билетов нет. Кончились.

– Ладно, тогда в другой раз, – беспечно заявила Полина и, не удержавшись, добавила: – Вместе с твоим соседом.

– У вас так сильно развит дух коллективизма, – отметил Никита, отворачиваясь от Костика, к которому уже потерял всяческий интерес. Голос его звучал язвительно. Или Полине это только показалось.

От досады у нее даже красные пятна на щеках выступили. Надувшись, она отгородилась от людей книжкой, которую читала на пляже Оля. Сейчас сестренка самозабвенно плавала, поэтому книжку вполне можно было использовать для выстраивания барьеров, в том числе и внутренних.

Это были «Приключения Шерлока Холмса», которые сестра обожала и могла перечитывать до бесконечности. Полина уныло погрузилась в мир Генри Баскервиля, но едва продиралась сквозь строчки, даже не понимая прочитанного. Более современные события волновали ее гораздо больше, чем старый добрый английский детектив.

Сдавшись, она отшвырнула книжку и обвела глазами пляж в поисках торговки кукурузой. Приглянувшейся ей женщины не было видно, а у бредущего вдали старичка покупать ничего не хотелось, он выглядел таким немытым, что принимать из его рук еду было просто страшно.

Внезапно взгляд Полины упал на вчерашнего пьяного парня, который, опять шатаясь, появился на нижней ступеньке лестницы и как будто раздумывал, идти ли ему дальше.

«Снова пьяный в такую рань, – подумала Полина. – Вот до чего же в некоторых людях сильна тяга к саморазрушению. Сейчас опять усядется на самом солнцепеке и будет в воду лицом падать. А ты волнуйся».

Парень, словно услышав ее сердитые мысли, именно так и сделал. Нетвердой походкой подошел к берегу, неуверенно уселся, согнув ноги в коленях, положил

на них сцепленные в замок руки, а на них склонил голову.

Наблюдать за ним Полине было неинтересно, поэтому она отвлеклась на более привлекательный для себя объект – писатель Никита встал со своего лежака и, не оглядываясь на нее, пошел купаться. Фигура у него все-таки была красивая, хоть и не без изъянов, и это обстоятельство Полину обрадовало, а вот то, что он на нее не смотрит, огорчило.

«Веду себя как третьеклассница, – рассердилась вдруг она сама на себя. – Можно подумать, мне есть какое-то дело, смотрит он на меня или нет. Я уже давно выросла из этих романтических бредней. У меня Серега, мне не нужны курортные романы, и этот писатель меня ни капельки не интересует».

Не успела она додумать свою победную мысль до конца, как вдруг послышался громкий возглас, почти вскрик, к которому тут же присоединился целый хор встревоженных голосов.

Переведя взгляд, она увидела, что пьяный парень упал-таки лицом в воду и лежит, не шевелясь, в набегающей морской волне. Две женщины, загорающие неподалеку, с ужасом смотрели на него, но не предпринимали никаких попыток помочь. Из воды к упавшему спешил на помощь человек, сквозь бьющее в глаза солнце Полина увидела, что это Никита, и порадовалась тому, что он такой неравнодушный. Вскочив с лежака, она тоже бросилась к парню, оказавшись возле него одновременно с писателем. Он, казалось, даже не удивился этому обстоятельству.

– Что делать? – отрывисто спросила она, признавая его главенство.

– Давай его перевернем, – скомандовал он, внезапно перейдя на «ты».

Поднатужившись (парень был достаточно тяжелый), они просунули руки ему под грудь и аккуратно перевернули на спину.

– Голову придержи. – Полина кивнула и подсунула сложенные ладошки под гриву черных спутанных волос, чтобы парень не ударился головой об острую пляжную гальку. Голова легла ровно на подставленные руки, и на Полину уставились тоже темные, уже неживые глаза. Парень был мертв. Она перевела испуганный взгляд на Никиту, и тот нехотя кивнул, подтверждая ее страшную

догадку.

Глава?5

Ситуация запутывается

«Никто не вправе указывать людям, кого любить».

Барбара Стрейзанд

Все, что происходило дальше, Полина воспринимала как в тумане. Завизжали молодые мамаши, стали судорожно одевать своих малышей, чтобы увести их подальше от страшного зрелища. Стали пустеть и другие близлежащие лежаки, мало кому хотелось вступать в обязательные объяснения с полицией.

Полицию уже вызвали. По просьбе Никиты Андрей, пожарный из Томска, сбегал в выходящее прямо на пляж кафе «Седьмое небо», откуда и позвонили в опорный пункт, расположенный в Коктебеле. Ну, и в «Скорую», разумеется.

– Отпусти голову, – тихо сказал Никита и, видя непонимание в ее глазах, повторил. – Ты ему уже не поможешь, не надо его держать.

Только тут до Полины дошло, что голова только что умершего на ее глазах человека все еще покоится на ее сложенных ладошках. Аккуратно высвободив руки, она еле сдержалась, чтобы сразу не броситься к воде, чтобы их вымыть. Что-то было не так, но она никак не могла понять, что именно.

– Не мог же он так быстро захлебнуться, – это сказала женщина интеллигентного вида в смешной панамке, которая подошла поближе, чтобы посмотреть, что случилось. – Он же прямо на наших глазах в воду упал, и вы его практически сразу вытащили, минуты не прошло. Не мог он за такое короткое время утонуть.

– Ну и что? – Ее муж тоже подошел и встал рядом, стекла его очков блестели на солнце. – Может, сердечный приступ.

– Да не похоже. – Женщина с сомнением покачала головой. – Он не задыхался, не стонал, не хватался за грудь. Сидел-сидел, а потом упал и умер. Так же не бывает.

– С пьяными все бывает.

– Подождите, – воскликнула Полина. – Подождите же, вот что не так! От него не пахнет алкоголем.

– В смысле? – не поняла женщина.

– Он приходил сюда, на этот пляж, я его уже видела, – начала объяснять Полина. – Я еще тогда испугалась, что он может утонуть. Я к нему подошла, и от него так спиртным разило, что я даже отшатнулась, амбре было на весь пляж. А сегодня от него не пахнет. Совсем.

– Может, вы не учуяли просто?

– Но я же голову его держала. В прошлый раз за метр было запах слышно, а сейчас нет. А выглядел он точно так же и шатался…

– Ну, раз не пьяный, значит, просто так умер. – Муж светловолосой женщины пожал плечами. – Мог тромб оторваться. Мгновенная смерть.

Глаза Полины моментально наполнились слезами. В горле набухло горе, которое, казалось, перекрыло поступление кислорода, и теперь ей грозило немедленное удушье, такое же стремительное, как смерть лежащего сейчас на каменной гальке человека. Полина схватила себя за забитое горло двумя руками, пытаясь пропустить в легкие хоть немного воздуха, и пошла вдоль берега. По лицу ее уже потоком текли слезы, которые она не могла сдержать.

– Что? – Никита догнал ее, схватил за плечи и развернул лицом к себе. – Что случилось?

– Папа. – Ком в горле мешал говорить, размокая от горячих слез и как хлебный мякиш забивая связки. – Так папа умер.

– Твой отец умер от тромбоза?

– Да, в прошлом году. Он никогда не болел, никогда ни на что не жаловался. Они с мамой поехали на Селигер, в отпуск. Он рыбу ловил на берегу. Клевало хорошо, мама рассказывала потом, как он радовался. Он вытащил очередную рыбину, потом кашлянул, взмахнул руками, упал и умер. Она даже не сразу поняла, все пыталась найти валидол у кого-нибудь, воду, а он уже был неживой. Прямо как этот парень сейчас.

– Бедная ты. – Никита нежно привлек ее к себе и обнял за плечи. – Ты очень папу любила, да?

– Да. Я была его любимая дочка, хотя он и к Оле с огромной нежностью относился, ты не думай. Он меня знаешь как звал? Пони. Это была моя домашняя кличка.

– Почему пони? – не понял он.

– Потому что я Полина Никанорова. По-Ни.

– Понятно, – засмеялся он.

– Когда я вторую работу взяла, папа все меня подкалывал. Говорил: «пони – маленькие кони». Ему не нравилось, что я много работаю, хотя сам он вкалывал постоянно. У мамы же не работа, а так, видимость одна. Она же за Олей была вынуждена присматривать. А папа деньги на семью зарабатывал. Мне всегда хотелось ему помочь, но он сердился и запрещал маме у меня деньги брать. Говорил, что я себе на развлечения и одежду зарабатываю, машину, вон, купила, а прокормить он своих дочерей в состоянии.

– Тебе его очень не хватает?

– Ужасно, – призналась Полина. – Ты знаешь, когда его не стало, у меня появилось чувство, что я разом выросла. Вот до тридцати лет все оставалась ребенком, а потом за одну минуту р-раз – и выросла.

– Взрослеть все-таки приходится, – заметил Никита. – А на пони ты и впрямь похожа. – Он вдруг легко и необидно засмеялся. – Прав был твой папа. У тебя глаза такие же большие и влажные, и челочка, которая на них падает, шелковистая и непослушная.

– Ты еще скажи, что у меня лицо лошадиное, – притворно нахмурилась Полина.

– Лицо у тебя нормальное, вполне себе симпатичное, но на пони ты похожа, так что, имей в виду, так я тебя теперь и буду звать.

– Зови. – Она улыбнулась и вытерла ладошкой слезы. – Я с детства привыкла к своему прозвищу, мне без него даже некомфортно.

По лесенке, ведущей на пляж, спускались двое полицейских – один постарше, с явным пивным животиком над поясом брюк, а второй помоложе, точнее, совсем еще мальчишка, довольно высокий, тонкий и гибкий, как виноградная лоза.

– Пойдем. – Никита снова приобнял Полину и повел ее обратно к лежащему телу. – Нас сейчас опрашивать будут.

– А ты откуда знаешь?

– Ну, так всегда бывает, – пояснил он. – Ты что, детективы не читаешь?

– Ой, а ты их, наверное, пишешь, да? – Она даже обрадовалась, что смогла задать вопрос, мучивший ее уже несколько дней.

– Я действительно на них специализируюсь, – кивнул он головой. – Можно сказать, что детективы – это моя жизнь.

Полина была очень горда, что так ловко догадалась о профессии своего нового знакомого, который, что греха таить, ей очень и очень нравился. Однако думать об этом было некогда, потому что они уже подошли к месту происшествия.

Их опрос не занял много времени, потому что знали они действительно немного.

– Вы ничего не трогали? – спросил полицейский постарше. – Ну, по карманам не лазали? Ничего не доставали?

– Нет, конечно, – возмущенно сказала Полина. – Мы же не шакалы и не мародеры какие.

Молодой оперативник начал быстро и профессионально обыскивать тело. Карманы штанов оказались пусты, и это выглядывающей из-за плеча Никиты Полине показалось странным. Сейчас никто не выходил из дома без мобильного телефона, и уж он-то точно должен был быть на месте. Но ни телефона, ни паспорта, ни водительских прав при пострадавшем не было.

– Непонятно, – пробормотал молодой полицейский.

– Что ж тут непонятного, – откликнулся второй, до этого тихо переговаривавшийся с врачом «Скорой помощи». – Ты на зрачки его посмотри. Обычный наркоман, от передоза копыта откинул.

«Потому и запаха алкоголя нет», – догадалась Полина.

– И часто у вас такое случается? – полюбопытствовал Никита, она с интересом посмотрела на него. Прямо на ее глазах писатель преобразился. Сейчас он не отдыхал, а работал, каждый напряженный мускул его тела, казалось, ждал ответа.

– Да обычно не очень, а сейчас как Касьян посмотрел, – с досадой ответил молодой оперативник. – Что ни день, то откачивать кого-то приходится. Появился в городе мерзавец какой-то, наркотой местных торгашей снабжает, да еще некачественной, не очень чистой. И откуда он взялся на нашу голову?

– Меньше трепись, – посоветовал ему старший напарник. – Все, мы закончили, можете увозить, – скомандовал он «Скорой». – Пошли, Колька, мы свое дело сделали.

– Николай, подождите, – писатель тронул парня за рукав, – мне бы с вами поговорить, если можно. Могу я к вам в опорный пункт прийти?

– А о чем? – Глаза полицейского немного сузились. – Вы еще что-то знаете о покойном?

– Нет, я его во второй раз в жизни вижу, – признался Никита, – и кто он и где остановился, я не знаю. Но разговор к вам у меня все-таки есть.

– Он детективы пишет, – вмешалась в разговор Полина, и Никита как-то раздосадованно посмотрел на нее, словно недовольный ее вмешательством.

– Детективы? – Теперь на лице оперативника мелькнуло любопытство. – Ну, ладно, приходите. Мы на улице Грина располагаемся, найдете?

– Найду, – пообещал Никита и, пожав на прощание руку полицейскому, повернулся к Полине: – Ну что, Пони, пойдем заедать стресс мороженым?

– Пойдем, – выдохнула она, радуясь, что он не сердится на нее за длинный язык.

– Тогда беги вот сюда, в «Седьмое небо», – он показал в сторону кафе, – со второго этажа открывается прекрасный вид на море. Заказывай мороженое и еще что-нибудь, я сейчас сбегаю в гостиницу за деньгами и приду. Идет?

– Идет, – засмеялась Полина. – Только маму предупрежу да спрошу, как дела. Вдруг они с Олей из-за трупа переволновались.

Однако Оля суеты на берегу не заметила, потому что сладко спала, накрыв лицо панамкой. Мама же решила, что раз происшествие не имеет к ее семье никакого отношения, то и переживать впустую не стоит. Полинино сообщение о походе в кафе она восприняла благосклонно.

– Он, вообще, хороший человек, – заметила она, посмотрев вслед уходящему с пляжа Никите. – Серьезный, не то что этот шалопай Костик, который тебя спаивает. Так что иди, конечно.

Мама была в своем репертуаре, и, засмеявшись, Полина натянула шорты с майкой и, пригладив волосы, поспешила к ступенькам, ведущим к кафе.

К счастью, места на втором этаже были. Полина уселась за столик, с которого действительно открывался совершенно замечательный вид на море. Оно синело внизу, успокаивая встревоженные нервы. Официант не спешил нести меню, но Полину это вполне устраивало. Делать заказ без Никиты ей не хотелось.

На столике стояла плетеная пузатая ваза с веточками, покрытыми красными цветочками. Полина даже потрогала пальцем, проверяя, пластик или нет. Цветы оказались живыми. Как они стояли в вазе, в которую невозможно налить воду, было загадкой. Достав веточки, Полина перевернула вазу, и на колени ей выпал мобильный телефон.

– Ой! – от неожиданности воскликнула она. На мгновение ей показалось, что из вазы выскочила лягушка.

Но это был телефон. Не очень новый, достаточно сильно поцарапанный. Совершенно не модный. Кто и зачем положил его в вазу с цветами? Спрятал? Забыл? Баловался? На эти вопросы у нее не было ответа.

По лестнице поднимался официант, наконец-то решивший предложить посетительнице меню. Она уже была готова сообщить о своей странной находке, но экран мобильника вдруг засветился под ее пальцами, и на нем оказалась фотография красивой, уверенной в себе женщины, которая счастливо смеялась Полине в лицо. Это была та самая художница, которую она уже дважды встречала на набережной, и, повинуясь, неясному пока инстинкту, Полина спрятала телефон, прижав его бедром к стулу, и, как ни в чем не бывало, мило улыбнулась подошедшему официанту.

– Оставьте, я посмотрю позже, когда придет мой спутник, – довольно холодно сказала она, мечтая, чтобы официант сгинул с глаз.

Положив папку с меню на край стола, он кивнул и неспешно удалился вниз. Полина снова схватилась за найденный телефон. Красавица-художница никуда не исчезла, все так же улыбаясь во весь экран. Немного поколебавшись, Полина начала нажимать кнопочки, чтобы добраться до телефонной книги. Она отдавала себе отчет, что поступает некрасиво, однако утешала саму себя тем, что хочет всего лишь найти владельца и вернуть ему аппарат.

Номеров в телефонной книге было довольно много, поэтому вычислить, кому именно звонить, чтобы сообщить о найденной трубке, было довольно сложно. Еще немного поколебавшись, она начала тыкать в клавиши короткого набора. На цифре 2 высветилось слово «Мама». На цифре 3 значился некий Толян, набрать которого Полина не рискнула. Цифра 4 была подписана странно – «шлагбаум», и понадобилось некоторое время, чтобы понять, что с этой кнопки скорее всего открывался въезд в некий двор, шлагбаум в котором автоматически поднимался при звонке с нужного телефона. У одной из Полининых клиенток он был устроен точно так же. При нажатии на кнопку 5 высветилось имя Лариса.

Это имя Полина слышала совсем недавно. От кого же… Точно! Его произносил умерший сегодня на пляже парень, когда они увиделись в первый раз. Полина тогда тронула его за плечо, а он повернулся и отчаянно произнес именно это имя. Лариса.

Так. У парня, тело которого уже увезли, не было при себе мобильного телефона, а сейчас никто не выходит на улицу, не прихватив с собой мобильник. Получается, что это его телефон?

Чтобы проверить свою догадку, Полина решительно вошла в меню «Сообщения». Ей было стыдно оттого, что она собирается читать чужую переписку, но внезапно взявшийся неизвестно откуда охотничий инстинкт твердил, что сделать это необходимо.

Диалог с неведомой Ларисой в телефоне, разумеется, был. Его владелец пылко признавался в любви, умолял о встрече, осыпал даму сердца комплиментами. Он выглядел трогательным, беззащитным и совершенно потерявшим голову от страсти. Его собеседница была довольно холодна и неприступна, но тем не менее благосклонно принимала его обожание и иногда назначала свидания.

С инициативой конкретных встреч всегда выступала она. Именно Лариса писала, где и когда они встретятся, оговаривала точную продолжительность этих встреч, предупреждала, чтобы он несколько дней не звонил и не писал, и он всегда тщательно и трепетно выполнял ее распоряжения.

Почему-то Полине казалось страшно важным узнать, погибшему ли молодому человеку принадлежит телефон, который она держит в руках. Не очень отдавая себе отчет в том, что она делает, Полина нажала кнопку вызова. Телефон,

поднесенный к уху, ввинчивал в голову острые, колкие гудки.

– Ты с ума сошел. – Звон неожиданно сменился на змеиное шипение. – Я говорила тебе, чтобы ты исчез? Говорила или нет? Что ты молчишь? Если у тебя напрочь отшибло инстинкт самосохранения, то у меня еще есть голова на плечах, и я ее берегу. Так что не звони мне больше. Я скажу, когда можно будет. И уезжай ты отсюда, дурак безбашенный!

– Простите. – Полина прервала словесный поток, льющийся из трубки, и голос на том конце как будто захлебнулся в изумлении. – Извините, пожалуйста. Просто я нашла этот телефон и в нем ваш номер, и…

– Вы кто? Что вам нужно? – Женский голос уже обрел утраченную было уверенность. В нем снова проступили и присущая ему властность, и даже некоторая надменность.

– Мне ничего не нужно, – пролепетала Полина, чувствуя себя дурочкой. – Я нашла этот телефон и решила вернуть его владельцу, а в нем ваш номер, и я…

– В нем что, один номер? Почему вы звоните именно мне?

– Нет, не один, – пробормотала Полина, не зная, как объяснить постигший ее дар провидения. – Видите ли, он был у человека, который называл ваше имя, поэтому, когда телефон оказался у меня, то я стала искать именно ваше имя. Лариса в телефонной книге оказалась только одна. – Это было не совсем близко к истине, но не говорить же незнакомке о том, что она читала ее переписку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/martova_lyudmila/v-koktebele-nikto-ne-toropitsya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить